

Марокканские конфликты и Россия

В обширной литературе, посвященной марокканским конфликтам, мало освещен вопрос об отношении к ним царской России. Между тем позиция России сыграла очень значительную роль и в генезисе и в исходе марокканских конфликтов. Недавно вышедшие из печати XVIII и XIX тома 2-й серии «Международных отношений в эпоху империализма» заключают в себе много документов, которые не были опубликованы в издании 1922 года «Материалы к истории франко-русских отношений 1910—1914 гг.» и проливают новый свет на многие черты Агадирского кризиса 1911 г.

Не с такой полнотой освещен в появившихся до настоящего времени в печати русских документах первый марокканский конфликт 1905 г. Тем не менее документы, опубликованные в Красном Архиве № 5, № 6, № 41—42 и № 44, показывают, что в событиях 1905 г. позиция России имела определяющее значение.

Литература о марокканских конфликтах, как известно, необозримо велика. Нет произведения, рассматривающего историю возникновения империалистической войны, которое не описывало бы их. Тем не менее мы считаем нужным остановиться на этом вопросе из следующих соображений.

Начиная с самого возникновения спора о Марокко и до настоящего времени, авторы, которые писали о нем, почти всегда исходили из определенной предвзятой точки зрения. Они или стремились доказать, что единственным виновником столкновений в Марокко являлась Германия, или стремились оправдать Германию и всю ответственность возложить на Англию и Францию. Когда познакомишься с изложением марокканского вопроса у огромного большинства французских и английских публицистов и историков, начиная с А. Тардьё (A. Tardieu «Le Mystère d'Agadir», «La Conférence d'Algésiras») или Пуанкаре (Le lendemain d'Agadir) и кончая Гучем, Ренувеном, или специалистом по истории Марокко Бернаром (Bernard «Le Maroc»), — бросается в глаза первая из указанных выше тенденций. Через все изложение красной нитью проводится определенная анти-историческая тенденция, сводящаяся в основном к таким положениям: Франция, захватывая Марокко, выполняла определенную «цивилизаторскую миссию», этому всячески стремилась воспрепятствовать Германия, прибегая к военным угрозам; по выражению Паункаре германская дипломатия неизменно говорила с Францией «с револьвером в руке» (pour causer elle prend un revolver, стр. 83). Благодаря содействию Англии, Франция довела до конца дело создания северо-афри-

канской империи, но германские угрозы имели своим последствием то, что во Франции проснулось национальное чувство, что «миролюбивые» французские правительства вынуждены были провести ряд военных мероприятий (закон о трехлетней службе, укрепление военных связей с Англией и Россией и т. д.), чтобы дать отпор германским домогательствам.

Противоположная тенденция проходит через труды немецких авторов (в том числе и редакторов немецкой официальной публикации «Die Grosse Politik»), или авторов, сочувственно относящихся к Германии. К последним принадлежит и С. Фей, книга которого является наиболее полным из известных нам изложений на русском языке довоенной дипломатической истории (С. Фей «Происхождение мировой войны», т. I. ОГИЗ 1934 г.). На такой же точке зрения стоит и автор интересной работы, посвященной марокканским конфликтам, английский либерал-пацифист, впоследствии лейборист Морель. («Десять лет секретной дипломатии». ГИЗ 1924 г.). Для этих авторов важно доказать, что: 1) Германия в марокканских кризисах защищала позиции безукоризненные с точки зрения международного права—она отстаивала суверенитет марокканского султана, признанный международными конференциями; 2) Германия защищала в Марокко свои промышленные и торговые интересы, систематически нарушаемые действиями Франции и совпадавшие с экономическими интересами других наций; 3) никакого желания провоцировать войну с Францией у Германии не было ни в 1905 г., ни в 1911 г.; английское вмешательство в франко-германские отношения имело следствием только обострение конфликтов, которые без этого протекали бы более мирно.

Не приходится говорить, что обе эти, коротко обрисованные нами, антиисторические тенденции чужды советским историкам. 1) Изучая историю довоенного империализма, мы не должны переносить на нее точки зрения политики сегодняшнего дня. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. отмечен методологический корень извращений так называемой «исторической школы» Покровского, заключавшихся в том, что она «толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и тем самым искажала действительную историю». (Постановление ЦК ВКП(б). Правда от 16/XI 1938 года).

Разоблачая неправильные установки Покровского в истории происхождения империалистической войны, мы совершили бы грубейшую ошибку, если бы, полемизируя со школой Покровского, усвоили ее порочную методологию. Только из объективной, соответствующей исторической правде, истории довоенных международных отношений можно сделать определенные выводы, бросающие свет на события наших дней; обратное соотношение истории и политики является не чем иным, как внесением субъективно-идеалистической точки зрения в историческое исследование.

2) Изучая историю довоенных международных отношений, советские историки руководятся гениальным ленинским анализом происхождения империалистической войны. В свете его они подходят к оценке

действий обеих групп империалистических держав. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» с предельной сжатостью и отчетливостью выражено ленинское положение: «Борьба за новый передел мира вызвала неизбежность империалистической войны. Война 1914 года была войной за передел мира и сфер влияния... Ее виновники — империалисты всех стран». («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 155). Одним из важных эпизодов в подготовке империалистической войны являлись марокканские конфликты; в них отчетливо выразились хищнические империалистические устремления обеих группировок, на которые раскололась Европа — группировки англо-французской, включившей в свой состав, находившуюся в колониальной зависимости от англо-французского капитала, Россию, и группировки германской.

С этой точки зрения, находящей себе подтверждение во всех опубликованных документах, мы даем краткий обзор марокканских конфликтов. Нам хотелось бы несколько шире развить те положения, которые установлены в первых главах, посвященных истории Марокко до первой империалистической войны, замечательной статьи М. В. Фрунзе «Европейские цивилизаторы в Марокко» (М. В. Фрунзе. Сочинения, т. II, стр. 202—282).

I

Своеобразие борьбы империалистических держав, разыгравшейся вокруг Марокко, заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, что для трех главных участников ее (Англии, Германии, в не меньшей степени для Франции) собственно марокканские интересы тесно сплелись с более важной задачей — использовать столкновение интересов в Марокко, как средство обеспечить более выгодную для данной державы расстановку сил в приближавшейся с каждым годом общеевропейской войне.

В 1880 г. на Мадридской конференции впервые марокканский вопрос сделался вопросом международным. Результатом конференции, в которой принимали участие 14 держав (в том числе Англия, Франция, Испания, Италия, Германия; Россия не участвовала в конференции, но присоединилась к ее постановлениям нотой от 4/14 апреля 1881 года), был трактат 3 июля 1880 года, признававший экономическое равноправие всех держав в Марокко. Ст. 11-я предоставляла право всем иностранцам приобретать собственность в Марокко с предварительного, однако, согласия марокканского правительства; ст. 17-я признавала за всеми державами, представленными на конференции, права наиболее благоприятствуемых наций, т. е. иначе говоря, распространяла на всех участников конференции те права в области торговли с Марокко, которыми до тех пор пользовались только Англия и Франция¹. Феодальное государство Марокко являлось в 1880 г. еще в полном смысле слова независимой держа-

¹ Текст постановлений Мадридской конференции в неполном переводе приведен на русском языке у Ключникова и Сабанина «Международная политика новейшего времени», т. 1, док. № 222. Приведенное толкование ст. 17-ой впоследствии оспаривалось французскими дипломатами (Делькассе и др.), утверждая, что последние относятся только к праву патроната европейских держав над подданными султана.

вой, и во времена правления энергичного султана Мулай-Гафида (1873—1894 г.) марокканское правительство («магзен») стремилось всеми мерами сохранить эту независимость, воспрепятствовав закабалению Шерифской империи иностранным капиталом. Обстоятельством, благоприятствовавшим этому, явилось то, что уже в последней четверти XIX столетия в Марокко столкнулись интересы по крайней мере четырех европейских держав. Наиболее старым и наименее опасным претендентом на раздел Марокко являлась Испания. Испания издавна владела на Средиземноморском побережье Марокко, отделенном от основной части марокканской территории цепью трудно проходимых Риффских гор, укрепленными пунктами, старинными «президами» Сеуты, Мелильей и др. Испанские претензии простирались в первую очередь на всю средиземноморскую полосу. Впоследствии они нашли поддержку в Англии, которая была заинтересована в том, чтобы побережье близкое к Гибралтару не перешло во владение более могущественной державы.

Неизмеримо более опасным для Марокко являлось соседство с французским Алжиром. Создавая обширную империю в северозападной Африке, Франция III Республики в 80—90-х годах XIX столетия уже окружила с востока и с юга Марокко кольцом своих владений. Неопределенность границы с Алжиром, отсутствие в Марокко действительной центральной власти (значительная часть арабско-берберских племен, населяющих Магриб, находилась только в номинальной зависимости от султана в Феце), географическая и этнографическая близость Марокко с Алжиром — все это благоприятствовало целям французского империализма. Используя англо-бурскую войну, Франция в первые годы XX столетия при министре ин. дел Делькассе перешла в систематическое наступление. В 1901 году французы заняли оазисы Туат, Игли и Зусфан, находившиеся в номинальной зависимости от султана. В 1901 году марокканская миссия в Париже подписала с министром иностранных дел Франции протокол, в котором Франция брала на себя обязательство охранять «неприкосновенность» Марокко. В 1902 году было подписано соглашение, по которому французское и марокканское правительство обязались сотрудничать в борьбе с разбойничьими нападениями непокорных племен, обитавших в гористой области, пограничной с Марокко и Алжиром. С 1902 года султан Абдул-Азис начал заключать займы на парижской бирже. Так в начале XX столетия получили начало два излюбленных французскими колонизаторами приема «мирного проникновения» в Марокко. Они состояли, во-первых, в ростовщических займах марокканскому правительству, которое постепенно лишалось всех источников дохода, переходивших в руки европейского финансового капитала, и поэтому удесетеряло податное обложение населения. Они состояли, во-вторых, в провоцировании восстаний доведенных до полного разорения берберских племен и потом в посылке военных отрядов для установления порядка. Посылка военных сил мотивировалась необходимостью для Франции обеспечить спокойствие в области, соприкасавшейся с французскими владениями. Она неизменно приводила в дальнейшем к оккупации одной за другой луч-

ших частей марокканской территории и к навязыванию правительству новых займов на самых кабальных условиях, — займов которые целиком шли на уплату военных издержек французского правительства по «умиротворению» Марокко. Из взаимодействия этих двух операций — займов и карательных экспедиций — получался замкнутый круг, разорвать который бессильное султанское правительство, конечно, не было в состоянии. Колоссальные прибыли от этих военно-финансовых операций, красноречиво разоблаченных в многочисленных речах Жореса в палате депутатов, попадали в руки ограниченного количества финансовых акул и парламентских дельцов, образовавших так называемый «Марокканский комитет», оказывавший немалое давление на правительство, на парламент и умело воздействовавший на «общественное мнение» при помощи подкупленной прессы.

Но раньше, чем этот механизм беззастенчивой колониальной эксплуатации пришел в движение, надо было обеспечить «законное право» на монопольное обладание Марокко путем международных договоров. Договоры относительно Марокко вплетались в сложную цепь международных отношений времен довоенного империализма, составляя в ней немаловажное звено. Первым государством, с которым Франция заключила договор относительно Марокко, являлась Италия, недавняя соперница Франции по разделу побережья северной Африки (оккупация французами Туниса в 1881 г., как известно, привела к длительному обострению франко-итальянских отношений). Договор с Италией был облечен в форму строго секретного обмена писем между французским послом в Риме, одним из старейших и влиятельнейших французских дипломатов, Баррером и итальянским министром Висконти-Веноста от 14—16/XII 1900 г. В письме Висконти-Веноста имелся следующий важный абзац:

«В частности, что касается Марокко, из наших разговоров выяснилось, что действия Франции имеют целью использование и охранение прав, вытекающих для нее из соседства ее территории с этой империей...»

«Было также установлено, что, если из указанного выше проистекало бы изменение политического или территориального положения Марокко, то Италия оставит за собой право, в качестве мероприятия, основанного на взаимности, развивать в таком случае свое влияние в триполитанской Киренаике¹. Таким образом в этом договоре заключались *in spe* — французский протекторат над Марокко, итало-турецкая война 1912 г., и, больше того, отрыв Италии от тройственного союза и позиция Италии в войне 1914—18 гг. на стороне Антанты. В 1901 г. начались переговоры Делькассе с Испанией о заключении соглашения о разделе Марокко. Раздел был предложен на выгодных для Испании условиях (включая Фец и Тазу); несмотря на это в 1902 году кабинет Сильвеллы отказался ратифицировать договор, подготовленный предшествующим кабинетом. Причина заключалась в противодействии Англии. Без согласия державы, владевшей Гибралтаром, содержавшей сильнейшую эскадру в Средиземном море, в начале XX столетия

¹ Ключников и Сабанин, т. 1, док. № 291. История франко-итальянских переговоров подробно освещена в «Documents diplomatiques français», серия II, т. т. I—II, общий обзор их см. т. II «Annexe».

нельзя было ни реализовать, ни даже договориться о разделе Марокко.

Интересы Англии в Марокко были значительны.

По торговому обороту с Марокко Англия до утверждения французского протектората стояла на первом месте¹. Еще более серьезными были военно-политические интересы Англии.

Марокко обладает рядом удобных портов как на побережье Средиземного моря (в особенности Танжер, расположенный в непосредственной близости к Гибралтару), так и на побережье Атлантики (Лараш, Рабат, Казабланка, Могадор, Агадир). Для Англии существенной задачей было не допустить перехода марокканского побережья в руки такой державы, которая, обладая значительным военным флотом, могла бы угрожать коммуникационным линиям Британской империи на путях к Суэцкому каналу или к мысу Доброй Надежды.

В силу обеих этих причин — и экономической и стратегической — Англия в последней четверти XIX столетия в Марокко, как и во всей Африке, противодействовала Франции и действовала в контакте с Германией. Для Англии в Марокко была выгодна политика «открытых дверей», Франция же стремилась захватить Марокко в монопольное обладание. Французский военный флот вплоть до первого десятилетия XX столетия был наиболее опасным соперником английского флота. Постройка Францией больших броненосных крейсеров, способных нанести серьезные потери английской морской торговле (в 1899 г. был спущен первый из них, носивший многозначительное имя — «Жанна д' Арк»), нервировала английское адмиралтейство. Не надо забывать, что конец 90-х годов был временем наибольшего обострения англофранцузских противоречий в Африке (1898 г. — Фашода).

В те самые годы, когда Франция договорилась с Италией о разделе северо-африканского побережья и вела переговоры с Испанией, Англия сделала попытку договориться с Германией о сотрудничестве в Марокко. Англо-германские переговоры 1898—1901 года представляют собой, как известно, переломный момент в развитии отношений между Англией и Германией и во всем ходе английской внешней политики.

Они были завязаны в то время, когда «блестящая изоляция» Великобритании стала невозможной, прежде всего, в силу снижения удельного веса английского капитализма и в мировой экономике, и в мировой политике, — когда во время англобурской войны Англия столкнулась с угрозой образования антианглийской лиги европейских держав, — когда противоречия с Францией в Африке и с Россией на Дальнем Востоке достигли наивысшего напряжения. Германия потенциально являлась наиболее опасным противником, в этом совершенно ясно отдавали себе отчет английские торгово-промышленные круги, обеспокоенные уже в это время германской конкуренцией; в этом

¹ Цифры торгового оборота с Марокко приводит для 1901 г. С. Фей (примеч. на стр. 117). Англия, общий оборот — 36 млн. франков, Франция — 16, Германия — 7. Данные за 1909 г. по отчету английского консула приведены у Мореля (стр. 23—25). Великобритания — 2.204.771 ф. ст.; Франция (включая торговлю с Алжиром, через порты которого ввозились товары и не французского происхождения) — 2.195.109 ф. ст.; Германия — 564.147 ф. ст.

отдавало себе отчет и английское адмиралтейство: морские законы 1898 и 1900 гг. должны были сделать Германию к 1917 г. обладательницей самого сильного военного флота, каким когда-либо обладала континентальная держава. Но в данный момент Германия на время отказалась от планов создания европейской антианглийской лиги, которые проскользнули в ее политике в 1895—96 гг.; в данный момент Германия отказала бургским республикам в поддержке и отклонила русское предложение выступить с предложением посредничества в англо-бургской войне; в данный момент столкновения с Германией в колониальных вопросах только обозначались (в 1899 г. Германия, однако, уже заключила предварительный договор на постройку Багдадской ж. д.), а германский броненосный флот был еще в пленках. Поэтому в 1898—1901 гг. английский консервативный кабинет попытался искать выхода из изоляции в сближении с Германией. В переговорах 1898 и 1899 и особенно в тех, которые велись в январе 1901 г. во время и после пребывания Вильгельма II в Англии у смертного одра символической фигуры в английской истории — 80-летней королевы Виктории, был поставлен вопрос о разделе Марокко.¹ Этот раздел должен был обеспечить за Германией обладание южной частью Марокко с центром в Марокеше и с портами на Атлантике — Рабатом, Казабланкой, Могадором.

К этому времени германские экономические интересы в Марокко были очень значительны; торговый оборот с Марокко возрастал с каждым годом; германские промышленники были инициаторами в разработке богатых железных копей в Марокко, германские подданные скупили в Марокко больше земель, чем все иностранцы. Но несмотря на это, англо-германские переговоры не привели ни к каким положительным результатам, они были прерваны и в дальнейшем заглохли. Чем объяснить это? Почему Германия, которая в дальнейшем приложила столько усилий, чтобы против воли Англии сохранить хотя бы свое экономическое влияние в Марокко, в 1901 г.² осталась равнодушной к предложениям стать обладательницей большей части Марокко с согласия Англии?

Единственный возможный ответ заключается в том, что уже в 1898—1901 гг. как для английской, так и для германской дипломатии собственно марокканские интересы отступали на второй план перед общими политическими задачами. Англия предлагала Марокко Германии, во-первых, потому, что опасалась сближения Германии с франко-русским союзом и образования антианглийского блока континентальных держав во главе с Германией, наиболее инициативным и экономически сильным из своих потенциальных противников, и, во-вторых, потому что наверняка знала, что участие в разделе Марокко на многие годы поссорит Германию с Францией и разбередит старую эльзасскую рану. Использовать Германию, как военную силу против России и Франции, — эта идея была руководящей во всех английских предложениях 1898—1901 гг. Германия отклоняла опасный

¹ «Die Grosse Politik» т. XVII, №№ 5152, 5153 и др. Eckardstein «Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten» т. II, гл. XIV, XV, XVI, XVII.

Еще в 1899 г. Чемберлен в частной беседе с германским послом намекал на возможность раздела Марокко. См. «Die Grosse Politik» XVII, стр. 297.

английский дар, потому что, как правильно квалифицирует этот этап международных отношений Бюлов в «Мемуарах», не желала сделаться «английским солдатом на континенте». Она отклоняла его, потому что в предстоящей в более или менее отдаленном будущем борьбе за передел мира главного своего противника видела в лице Англии и, в конце концов, именно к поединку с Англией готовилась, когда на 20 лет вперед рассчитывала по законам 1898—1900 гг. темпы своего военного судостроения. Пока германский флот был еще в зародышевом состоянии, Германии надо было соблюдать осторожность. Бюлов, приступая к руководству внешней политикой, получил задание обеспечить возможность построить флот, сохраняя хорошие отношения с Англией. В целом ряде пометок Вильгельма II на дипломатических документах 1901—02 гг. постоянно мелькает мысль — если бы у Германии уже был сильный броненосный флот, то она заговорила бы иначе. Но вступать в военно-политический союз с Англией против Франции и России даже ценой «милостивой» уступки части Марокко, — это противоречило бы основной линии германской политики, бессознательно вытекавшей в конечном счете из закона неравномерности развития капитализма в эпоху империализма.

И в Англии, и в Германии идея союза между державами, экономическое и политическое соперничество которых с каждым годом обострилось все более отчетливо, была крайне непопулярна среди влиятельных кругов буржуазии. Известный французский историк Англии Галеви приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что именно под давлением «общественного мнения» совершался постепенный переход английской политики от заигрываний с Германией к относительно прочному и долговому соглашению с Францией¹. Конечно, это верно. Не в личности Эдуарда VII, не в смене лиц, стоявших у управления ведомством иностранных дел в Англии, надо искать конечную причину поворота английской традиционной политики; точно так же, как не в «антианглийском комплексе» Вильгельма II, о котором с серьезным видом пишет такой основательный буржуазный историк, как Сидней Фей, лежит причина того, что при всех своих сложных конъюнктурных колебаниях в основном германская политика, начиная с 1895 г. и вплоть до империалистической войны, была направлена против Англии. Между английским и германским империализмом на пороге XX столетия уже отчетливо обрисовались непримиримые противоречия, вытекавшие из того, что, молодой германский капитализм развивался более быстрыми темпами в эпоху, когда раздел мира в основном уже был закончен и был закончен к выгоде старых капиталистических стран — Англии и в меньшей мере Франции, сосредоточивших в своих руках огромные колониальные владения. Точку зрения германского воинствующего империализма с полной рельефностью выражали не только кайзер в своих широковещательных речах о том, что будущее Германии лежит на морях и океанах, не только более осторожный руководитель внешней политики — Бюлов, или строитель флота адмирал Тирпиц, но и пангерманская лига и морская лига, буржуазная пресса всех оттенков, наконец многочисленные академические

¹ Галеви. «История Англии в эпоху империализма», М. 1937, стр. 99—123.

«ученые» произведения, обосновывавшие германские колониальные притязания. Позицию этих кругов в короткой фразе, оценивая книгу Шульце-Геверница, Ленин резюмировал так: «Награбили гг. англичане, дайте и нам пограбить, «освятив» грабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой — вот суть позиции сего «ученого»!¹

Интересы удержания накопленной на протяжении столетий колониальной добычи властно диктовали старым капиталистическим странам — Англии и Франции необходимость покончить со своими, относительно второстепенными, распрями и образовать общий фронт против молодого соперника. Смена лиц в руководстве английской политикой, смена партий, стоявших у власти во Франции (с 1902 г., как известно, определилась полная победа радикалов над националистами), только облегчали осуществление исторической тенденции, вытекавшей из общих закономерностей эпохи: из действия закона неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Прогрессировавшее с 1902 г. сближение Англии с Францией, наиболее активными деятелями которого, действительно, были Эдуард VII и Делькассе, после ряда промежуточных звеньев привело к общему соглашению по колониальным вопросам 8 апреля 1904 года, положившему начало «сердечному согласию». Важнейшей частью его являлась декларация о Египте и Марокко. Статья I заключала в себе признание со стороны Франции английской оккупации Египта, ст. II—VIII заключали признание со стороны Англии особых политических интересов Франции в Марокко. Английское правительство заявляло (ст. II), что Франции надлежит следить за спокойствием в Марокко и оказывать ему помощь в административных, экономических и финансовых реформах; английское правительство обязывалось не противодействовать означенным действиям Франции. Ст. IX заключала обязательство со стороны обоих правительств «оказывать друг другу дипломатическую поддержку для осуществления настоящей декларации относительно Египта и Марокко». Таким образом, из этой статьи вытекало дальнейшее сотрудничество английской и французской дипломатии, впоследствии подкрепленное сотрудничеством генеральных штабов (после I-го марокканского конфликта, с 1906 года)².

В опубликованном тексте договора была особенность, которая немедленно бросилась в глаза всем заинтересованным лицам: договор носил односторонний характер. Англия получала от Франции признание уже совершившегося факта — оккупации Египта, Англия давала Франции вексель на Марокко, которое Франции еще не принадлежало, и в котором в это время английские позиции были не менее сильны, чем французские. Такой односторонний характер свидетельствовал о том, что английская дипломатия, заключая договор, сознательно шла на жертвы ради общего политического соглашения с Францией, находившейся притом в момент заключения договора в особенно неблагоприятном внешнеполитическом положении (русско-японская война уже началась). Под видом соглашения, носившего пацифистический характер, английская дипломатия покупала содей-

¹ Ленинский сборник XXVIII, стр. 125.

² Текст соглашения в русском переводе (с сокращениями) см. Ключников и Сабанин, т. I, № 306.

ствии Франции в предстоящей борьбе с Германией. Какой ценой? — Об этом говорили тайные статьи договора, впервые ставшие известными во время Агадирского кризиса 1911 г. Секретные статьи находились в несомненном противоречии с опубликованными. В опубликованном договоре было заявлено от имени французского правительства, что «оно не имеет намерения изменять политическое положение Марокко»; в ст. 1-й секретного соглашения было заявлено, что «в том случае, если одно из правительств увидело бы себя вынужденным в силу обстоятельств изменить свою политику в отношении Египта или Марокко, обязательства, которые они взаимно взяли на себя... останутся в силе». Но наиболее откровенной (по необходимости) была ст. 5-я секретного соглашения. Она гласила: «Оба правительства соглашаются, что некоторое количество марокканской территории, прилегающей к Мелилье, Цеуте и другим президам, должно будет в тот день, когда султан прекратит осуществлять над ними свою власть, войти в сферу испанского влияния»¹.

Итак речь шла о полном разделе Марокко между Францией, получившей основную часть территории, и Испанией, за которой обеспечивалась без права передачи (об этом имелась специальная оговорка) узкая средиземноморская полоса, более опасная для Англии в стратегическом отношении. Насколько далеко шла предупредительность Англии видно из того, что даже свобода торговли в Марокко, в которой были существенно заинтересованы торговые круги Англии, была обусловлена только на 30 лет.

Неудивительно, что в Англии договор встретил возражения со стороны тех (правда, немногочисленных) буржуазных политиков, которые не уяснили себе или не были согласны с его действительной целеустремленностью.

После заключения договора с Англией, заключение Францией договора с Испанией не встретило особых препятствий. Последний был подписан 3 октября 1904 г. при содействии английской дипломатии. Все статьи его были секретными. В нем уже с полной отчетливостью говорится о разделе Марокко в тот момент, «когда шерифское правительство перестанет существовать»¹.

Договорившись с Англией, Франция уступала своей «латинской сестре» значительно меньше, чем по проекту 1902 г. Испанская зона ограничивалась узкой полосой по средиземноморскому побережью и долиной реки Луккос, впадающей в Атлантический океан.

Из испанской зоны был выделен г. Танжер, сохранивший интернациональный характер. Особое положение Танжера, находящегося в непосредственной близости к Гибралтару, вытекало из стратегических и торговых (Танжер—порт с большим оборотом) интересов Англии.

Так в начале XX столетия номинально еще независимое государство Марокко сделалось предметом международного торга, в котором принимали участие Англия, Франция, Испания и Италия, и к которому одно время Англия предполагала привлечь Германию.

Так Марокко сделалось колыбелью Антанты и одним из очагов

¹ Ключников и Сабанин, т. I, док. № 312.

военной опасности в Европе. Договор 1904 г. явился первым звеном в окружении Германии, составлявшем цель английской политики.

II

Россия не принимала участия в завязке марокканской трагедии. В то время, когда был подписан англо-французский договор (8 апреля 1904 г.), Россия уже два месяца воевала с Японией. Витте в своих воспоминаниях объясняет заключение договора тем обстоятельством, что Франция, лишившаяся вследствие русско-японской войны поддержки России, принуждена была искать сближения с Англией¹. Эта мысль не точно выражает международную ситуацию начала XX столетия. Она опровергается хронологией событий: англо-французское сближение началось еще с осени 1902 г. (26/XI 1902 г. был заключен торговый договор Франции с Египтом, впервые признавший факт английской оккупации, в мае—июле 1903 г. обмен визитом между Эдуардом VII и Лубэ дал повод к демонстрациям нарождавшейся англо-французской дружбы). Хронологически Витте неточен, но в положении, им высказанном, есть верное зерно. Союз с Россией, вступившей на путь активной и чреватой опасностями дальневосточной политики, в меньшей мере обеспечивал Франции русскую поддержку в европейских делах; такое положение сложилось еще до русско-японской войны и не могло не содействовать тому, что Франция охотно шла навстречу выгодным для нее английским предложениям. Между тем англо-французское сближение, прогрессирувавшее в то время, когда Россия воевала с союзником Англии на Дальнем Востоке, когда англо-русские отношения приобрели особенно антагонистический характер, существенно изменяло ту обстановку, в которой был заключен и из которой вытекал франко-русский союз. Хотя франко-русская военная конвенция 1893 г. рассматривает только один возможный случай военной кооперации России и Франции — войну против тройственного союза, но при заключении франко-русского союза имелось в виду сближение Англии с тройственным союзом. В этом сближении и Франция и Россия видели чрезвычайно серьезную угрозу своим интересам, вынуждавшую их ускорить переговоры о заключении соглашения. В письме Гирса на имя русского посла в Париже Моренгейма от 9(21) августа 1891 г., положившем официальное начало франко-русскому «сердечному согласию», совершенно определенно указывается, что поводом к обмену мнений о совместных действиях русского и французского правительства явилось открытое возобновление тройственного союза и «более или менее вероятное присоединение Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом²». Присоединения Великобритании не последовало. Вся обстановка изменилась. Франция из врага Англии, сталкивавшегося с ней во всех колониальных вопросах, превратилась в друга, но старые счета Англии с Россией разрешены не были. В 1903 г. после того, как Англия, заключив союз с Японией, обеспечила постоянное средство давления на царскую Россию на Дальнем Востоке, с ее стороны уже были приняты шаги, чтобы при посредстве Франции заключить соглашение

¹ Витте «Воспоминания», т. I, стр. 333—334.

² Юлочкиков и Сабанин, том I, док. № 255.

с Россией, но эти попытки были прерваны русско-японской войной. Флот английского союзника на Дальнем Востоке—Японии, построенный на английских верфях, на полученные от Англии кредиты, наносил поражения русскому флоту. А в это время русский союзник—Франция сближалась со старым противником России—Англией. Таков был тот исторический фон, на котором разыгрались события первого марокканского конфликта.

История первого марокканского конфликта 1905 года тесно переплетается с историей русско-германского договора, заключенного в Бюрке. И выступление Вильгельма II в Танжере и свидание в Бюрке являются звеньями единого плана, задуманного германской дипломатией под влиянием международной ситуации, создавшейся в результате русско-японской войны. Целью действий Германии было: 1) расторжение англо-французского договора о Марокко; 2) заключение русско-германского союза, направленного против Англии; 3) полное преобразование франко-русского союза в результате насильственного включения Франции в франко-русско-германский союз; 4) как следствие всего этого, образование антианглийской континентальной лиги во главе с Германией. Это был широко задуманный и энергично приводившийся в исполнение план, который в случае своего осуществления обеспечил бы Германии надежные шансы в борьбе с Англией за мировую гегемонию. Он являлся ответом на политику окружения Германии, проводившуюся Эдуардом VII, Ленсдоуном и Делькассе.

Так как все основные факты событий 1905 года хорошо известны, то мы ограничимся тем, что постараемся установить их связь между собою.

I. Антигерманский характер англо-французского сближения был совершенно очевиден для германских дипломатов. Еще в октябре 1903 г., когда переговоры между Англией и Францией были далеки от завершения, германский посол в Лондоне граф Меттерних писал Бюлову: «если англичане несмотря на все договорятся с Францией о радикальном разделе Марокко, в чем я все еще сомневаюсь, так как потеря немногих оставшихся у французов прав в Египте не уравновешивает для англичан отказа от Марокко, то англичане это сделают только под влиянием желания завязать дружбу с Францией какой угодно ценой. Если раздел будет проделан за нашей спиной, то против Франции мы имеем гораздо более сильное средство давления, чем против Англии».¹ В этом отрывке письма заключаются и правильный анализ значения договора, и программа действий, которую Германия в дальнейшем реализовала.

Договор был подписан. Это было сделано в полном смысле слова за спиной Германии. Официально французское правительство даже не известило Германию о последовавшем соглашении.² На запрос германского посла в Париже о характере переговоров Делькассе отвечал,

¹ Бюлов «Воспоминания», стр. 264—265.

² Во время конфликта Делькассе пытался опровергнуть этот факт ссылкой на предварительный разговор с германским послом от 23 марта 1904 г. Во всяком случае договор не был нотифицирован.

что речь идет об улучшении существующего в Марокко статуса без его изменения. Подобные же заявления о том, что Франция не желает ни в чем поколебать независимости шерифского правительства, были сделаны Делькассе и во французском парламенте. Тем не менее самый характер договора внушал определенные подозрения о существовании в нем секретной части, предполагающей полный раздел Марокко. Но самое важное заключалось не в том, что договор мог в ближайшем будущем затронуть важные экономические интересы Германии в Марокко, а в том, что договор означал, по выражению автора приведенного выше письма, «желание Англии завязать любой ценой с Францией дружбу», которая не могла не означать первого шага к созданию антигерманского блока.

II. Несмотря на это, первоначально германское правительство¹ сделало вид, что англо-французский договор ни в чем не нарушает интересов Германии. В речи, произнесенной в рейхстаге 12 апреля 1904 г. Бюлов заявил: во-первых, что, хотя Германия официально о договоре не уведомлена, но у ней нет оснований предполагать, что договор направлен против нее; во-вторых, что прекращение враждебных отношений между Англией и Францией соответствует стремлению Германии к сохранению всеобщего мира; в-третьих, что у Германии в Марокко, как и во всем Средиземном море, преимущественно экономические интересы, которые Германия будет охранять и которые, как он полагает, не будут задеты какой-либо державой.² Речь канцлера не была выражением действительного отношения германского правительства к соглашению, а лишь определенным дипломатическим приемом. Германия заняла выжидательную позицию, подготавливая реванш.

Непосредственным следствием англо-французского договора было энергично проявленное со стороны Германии стремление оформить свое сближение с Россией. Русско-японская война создавала для этого благоприятные перспективы. Германия, в свое время подталкивавшая царское правительство к авантюрам на Дальнем Востоке, в дальнейшем заняла по отношению к России позицию благожелательного нейтралитета. Теперь Германия желала довести дело до заключения союза. Бюлов пишет: «чем более враждебным по отношению к Германии делалось настроение в Англии, тем сильнее склонялся Вильгельм II на сторону России. Как конечная цель ему рисовался заключенный по всей форме франко-русский союз»². Слова Бюлова опираются на действительные факты. Осенью 1904 г. картина международных отношений изменилась в более неблагоприятную сторону для Германии по сравнению с весной. Хотя точное содержание секретного франко-испанского договора не было известно, но самый факт его заключения не оставлял сомнения в том, что замышлялся по сговору с Англией полный раздел Марокко. Далее, в Англии в морских кругах под влиянием действий японцев на море, именно в это время получила распространение идея «копенгагировать» (выражение адмирала Фишера, одного из столпов английского адмиралтейства) молодой

¹ Речь Бюлова во французском официальном издании *Livre jaune. Affaires du Maroc*, v. I, p. 27 и далее.

² Бюлов, стр. 300.

германский флот¹. В 1904 году после гульського инцидента, угрожавшего острым конфликтом между Англией и Россией, последовало первое официальное предложение со стороны Германии царскому правительству заключить союз. Бюлов пишет: «когда царь после происшествия у Доггербанки, стряхнувшего его немного от обычной равнодушной апатии, в связи с раздражением на вероломных англичан, предложил императору союз, то я составил в соответствии с его желанием проект договора из трех пунктов, который, несмотря на существующий русско-французский договор, мог бы получить согласие России»². В этом первом варианте германо-русского союзного договора, в отличие от последующего варианта, имеется в виду ситуация, вызванная русско-японской войной и в частности тем, что суда II тихоокеанской эскадры снабжались германскими угольщиками³. В случае, если бы эти действия вызвали вмешательство Англии, Германия и Россия обязывались выступить совместно. Что касается Франции, то по отношению к ней в проекте договора имелась следующая многозначительная фраза: «в случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя, согласно условиям франко-русского союза». Это был путь принудительного привлечения Франции к новому союзу, несомненно угрожавший разрывом старого франко-русского союза. Однако русское правительство стало на ту точку зрения, что нельзя заключать договора, не получив предварительно определенного согласия со стороны Франции. Это предложение, сделанное царем под влиянием Ламздорфа, опасавшегося разрыва франко-русского союза и полной зависимости русской политики от Германии, было отвергнуто. Кайзер, Бюлов и руководивший за кулисами их действиями Гольштейн, учитывая враждебную Германии линию Делькассе, боялись, что о переговорах немедленно будет сообщено Англии, которая ответит на них войной (Г. Р. XIX₁ гл. 135). Мы полагаем, что данная позиция России сыграла значительную роль в возникновении первого марокканского конфликта. Раньше чем договориться с Россией, Германии предстояло превентивными действиями сломать возможное сопротивление со стороны Франции и разорвать англо-французское сближение.

III. В результате учета положений не только в Марокко, но и на Востоке, был задуман Танжерский визит Вильгельма. Известно, что речь в Танжере вовсе не была импровизацией склонного к театральным эффектам кайзера. На выступлении настаивал руководитель германской внешней политики канцлер Бюлов. Действия Франции в Марокко дали к этому времени больше чем достаточные основания для выступления. Финансовая зависимость Марокко от Франции возросла. В октябре 1904 г. французские банки навязали султану новый заем в размере около 60 млн. франков, который в большей своей части был обращен на покрытие прежних займов. Французское правитель-

¹ См. об этом у Галеви, историка, которого нельзя заподозрить во враждебном отношении к Англии, стр. 377—378. См. Г. Р. т. XIX₂ гл. CXXXVI.

² Бюлов. «Воспоминания», стр. 302.

³ «Красный архив», V, ст. и док. «Русско-германский договор 1905 года», стр. 5—49. Г. Р. XIX₁ гл. CXXXIV и CXXXV.

ство немедленно после заключения договора с Испанией предъявило Магзену список реформ, охватывавших все отрасли управления, и настаивало на их скорейшем осуществлении. В декабре 1904 г. была решена и в феврале 1905 г. осуществлена посылка специальной миссии в Фец во главе с Сэн-Рене-Тайландье. Марокканское правительство, раньше (до договора 1904 г.) обращавшееся для противодействия Франции за поддержкой к Англии, теперь завязало об этом переговоры с Германией.

31 марта, высадившись в Танжере, Вильгельм II произнес свою известную речь. В ней: 1) была обещана германским предпринимателям в Марокко действительная защита их интересов; 2) был подчеркнут факт суверенитета марокканского султана и заявлено о желании Германии договориться с ним непосредственно; 3) марокканскому правительству рекомендовалась сугубая осторожность в проведении реформ, на которых настаивали французы. Не могло быть сомнения—это был решительно заявленный протест против тех договоров, которые заключили между собою Англия, Франция и Испания за спиной и у Германии и у шерифского правительства. Речь Вильгельма была подкреплена в дальнейшем посылкой в Марокко миссии во главе с графом Таттенбахом, быстро приобретшей исключительное влияние на султана. Действия Германии вызвали тот эффект, на который они были рассчитаны. Они были восприняты не только как вмешательство в марокканские дела, но и как удар по англо-французскому сближению. Несомненно это последнее и было доминирующей целью. Это подтверждается и мемуарной литературой и современной документацией. Последствия известны: в Англии большой подъем негодования против Германии, усиленно разжигаемый империалистической прессой (в особенности, авторитетным в вопросах внешней политики, «Times»); во Франции, наряду с большим возбуждением, большая растерянность перед надвинувшейся внезапно перспективой войны с Германией. Действительно, на что Франция могла рассчитывать в случае отклонения германских требований? Рассчитывать на активную поддержку России после Мукдена, после революционных событий 9 января и лета 1905 года не приходилось, тем более, что франко-русский договор не был рассчитан на поддержку колониальных планов Франции, совершенно не интересовавших Россию. Делькассе обещал помощь Англии. Основания для этого у него были. Английское правительство и английская пресса рассматривали марокканский конфликт не как франко-германский, а как, в первую очередь, англо-германский. Эдуард VII во время пребывания в Париже имел долгую беседу с Делькассе—факт, который расценивался, ввиду несогласия во французском кабинете между сторонником твердого отпора германским притязаниям Делькассе и примирительно настроенным премьером Рувье, как определенная международная демонстрация. Лорд Ленсдоун предлагал от имени консервативного кабинета заключить с Францией военно-политический союз. Но в чем английская помощь кроме поддержки флота могла выразиться? В фантастическом проекте английского десанта в Шлезвиге? Это было сомнительным предприятием, тем более, что после англо-бурской войны английскую армию расценивали в военных кругах очень низко, тем бо-

лее, что в 1905 году никакой предварительной работы по подготовке английского десанта не было проведено. Шансы Франции в предстоящей борьбе расценивались как неблагоприятные. Поэтому отставка Делькассе, на которой настаивала Германия, была задумана Рувье еще в начале конфликта, как выход из создавшегося положения. Создалась странная ситуация: французский министр иностранных дел держался в кабинете, больше опираясь на английскую поддержку, чем на поддержку во Франции. Премьер через голову Делькассе и его активных сторонников (послы: в Берлине — Ж. Камбон, в Лондоне — П. Камбон, в Риме — Баррер) вел через частных лиц переговоры с германским правительством. В решительном заседании 6 июля 1905 г. кабинет единогласно принял сторону Рувье против Делькассе.¹ Делькассе принужден был подать в отставку. На следующий день кайзер демонстративно пожаловал Бюлову титул князя. В последовавших долгих и мучительных переговорах Франция, несмотря на неодобрение Англии, согласилась на созыв международной конференции по марокканскому вопросу.

В напряженной, близкой к войне, ситуации 1905 года, борьба разыгралась вокруг Марокко, но из-за вопросов значительно более важных чем собственно марокканские интересы. В этом отношении Бюлов пишет правду о том, что целью германской политики в 1905 году было «свалить Делькассе и этим самым разрушить агрессивные планы французской политики, выбить континентальную шпагу из рук Эдуарда VII»². Можно согласиться с ним и в том отношении, что Германия действительно рассчитывала достичь своих целей не доводя дела до войны, а только угрожая войной.

В данном случае, как мы стремимся показать, целью германской дипломатии было не только разорвать прогрессирувавшее англо-французское движение, показав, что оно не обеспечивает Франции надежной поддержки, но и подготовить этим привлечение Франции к вступлению в антианглийскую континентальную лигу. Это явственно сказывается в том, что, добившись отставки Делькассе и получив согласие Рувье на созыв конференции (договор от 8 июля 1905 D. F., сер. II т. VII № 209), германское правительство заняло примирительную позицию. 28 сентября, т. е. послѣ заключения договора в Бьорке, оно заключило с Францией соглашение о программе конференции (D. F. т. VII № 467), в котором отказывалось в пользу Франции от лучшего козыря в предстоящей дипломатической игре — вопроса об организации полиции в пограничной с Алжиром зоне.

IV. Таким образом, совершенно последовательным ходом в выполнении большой комбинации, задуманной германской дипломатией, был последующий акт — свидание Вильгельма II с царем в Бьорке 23—24 июля 1905 г. Нельзя удивляться тому, что пацифист Морель, писавший свою книгу «Десять лет тайной дипломатии» в 1912 году, когда многие факты и документы не были известны, изо-

¹ См. запись заседаний кабинета от 6 июля, сделанную м-ром юстиции Шомье в Doc. Fr., т. VI приложение стр. 601—607. Центральным вопросом был вопрос о том, идти ли навстречу английским увертюрам, имевшим целью заключение общего союза, рискуя немедленной войной.

² Бюлов, стр. 294.

лирует марокканские вопросы от общеевропейской международной ситуации и поэтому, несмотря на большую осведомленность в марокканских делах, искажает историческую перспективу, но нельзя не задаться вопросом, почему Сидней Фей разделяет действия Германии в Танжере и Бьорке, отказываясь видеть в них звенья единой цепи¹. Мы полагаем, что данная позиция внушена редакторами германского издания «Die Grosse Politik», которые, следуя тематическому плану расположения материала, рассматривают отношения Германии с Россией в XIX томе, а марокканские вопросы в XX томе. Тематическая группировка документов искажает историческую перспективу, затрудняя установление причинной связи событий.

В действительности, действия германской дипломатии в 1905 году можно с полным основанием сравнить с хитро задуманной шахматной комбинацией: целью был английский король, атака велась последовательно—сначала на марокканском фланге во Франции, а потом в России. Летом 1905 года игра развивалась для Германии удачно, ход в Бьорке, казалось, был наиболее удачно задуманным и решающим.

Внешняя сторона свидания в Бьорке хорошо известна. Она описана с живописными подробностями в письме Вильгельма к Бюлову, написанном на другой день после свидания²: уединенное место в финляндских шхерах, каюта «Полярной звезды», растерявшийся Николай II, потрясенный поражениями на Дальнем Востоке и приближающейся революционной бурей; красноречивый кайзер, ссылавшийся на монархические традиции и общую ненависть к вероломному английскому королю и в результате—договор подписан Николаем и контрагсигнован ничего не понимавшим в международной политике адмиралом Бирилевым. Такова многократно описанная внешняя сторона событий. Однако необходимо обратить внимание на деловую сторону бьоркского свидания. 1) Оно не было ни удачной импровизацией Вильгельма, ни случайностью. В течение всей войны 1904—1905 гг. отношения России и Германии были близки к союзу. Вопрос о заключении союзного договора с Россией стал, как мы видели, предметом обсуждения с осени 1904 года. 2) Текст договора, подписанного 11(24) июля 1905 г., существенно отличался от предшествующего проекта тем, что договор должен был вступить в действие после заключения мира с Японией. Следовательно, договор имел в виду не временную политическую комбинацию, вызванную войной, а долговременный союз. 3) Заключенный договор, как и первоначальный проект, был направлен против Англии. Хотя редакция первого пункта была настолько категорической и безусловной, что по внешности договор противоречил и франко-русскому союзу и тройственному союзу, но в той политической обстановке, в которой договор был заключен, столкновение между Россией и Австро-Венгрией представлялось маловероятным (в 1903 г. было заключено Мюнхенское соглашение, балканский вопрос был «заморожен»), а Францию, согласно третьей статье договора, предполагалось позна-

¹ Сидней Фей, том I, стр. 125.

² «Die Grosse Politik», том XIX ч. 2, стр. 458—465.

«помочь с договором и «предложить ей присоединиться в качестве союзницы». Таким образом, мы приходим к выводу, что противоречие Бюркского договора с франко-русским союзом, как и с тройственным союзом заключалось в форме, но не в сущности договора¹. 4) В споре, который возник между кайзером и Бюловым по поводу добавления слов «в Европе» к 1-й статье, сделанного кайзером, прав был, конечно, Бюлов. Слова «в Европе» ухудшали договор для Германии, так как именно в Азии находилось уязвимое для русского нападения место Британской империи, а вместе с тем эти слова послужили в дальнейшем основанием для возражений с русской стороны². Добавление слов «в Европе», действительно, лишало договор значительной части его конкретного содержания, так как против морской державы Англии Россия в Европе помощи Германии подать не могла и сама в помощи Германии мало нуждалась. 5) Тем не менее договор и в данной, ухудшенной кайзером редакции, имел для Германии огромное политическое значение, так как давал Германии гарантию того, что Россия не будет участвовать в антигерманской коалиции держав. В случае же присоединения Франции, была бы осуществлена обще-европейская континентальная антианглийская лига. Дипломатическое поражение Франции в 1905 году давало на это, по мнению германской дипломатии, определенные шансы. Вильгельм II развивал эту точку зрения Николаю во время свидания в Бюрке. «Он (царь) был чрезвычайно обрадован нашим соглашением о Марокко, которое должно открыть дорогу для длительных добрых отношений с Францией. Он очень серьезно подтвердил мою надежду, что отсюда может развиться постоянное взаимное понимание и быть может даже соглашение с Францией. Когда я сказал ему, что вопреки подстрекательствам англичан, Франция наотрез отказалась от дуэли с нами и значит более не желает сражаться за Эльзас-Лотарингию, он живо заметил: да, я так и думал, совершенно ясно, вопрос об Эльзас-Лотарингии, слава богу, покончен». Эти слова из письма Вильгельма к Бюлову от 25 июля 1905 г. и весь контекст разговора кайзера с царем показывают, что целью Германии являлось осуществление русско-германско-французского соглашения. Договор в Бюрке не был направлен против Франции, а был рассчитан, хотя и совершенно ошибочно, на присоединение к нему Франции, подготовленное, по мнению кайзера, танжерским конфликтом и отставкой Делькассе.³ В этом

¹ Статья 1-я договора: «В случае нападения на одну из двух империй какого либо из европейских государств, союзник обязуется помогать ей в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами».

² Витте. «Воспоминания», том I, на стр. 391 резюмирует доводы против договора. Они сводятся к двум: во-первых, договор в Бюрке находится в противоречии с франко-русским договором, так как включает в себя обязательство помощи и в случае войны Германии с Францией, во-вторых, договор не эквивалентен, так как в случае войны с Англией не распространяется на Дальний Восток, а в Европе сухопутная война России с Англией вообще невозможна.

³ В мемуарной литературе, посвященной договору в Бюрке, имеются три основные версии: версия идущая от Ламздорфа через Савинского («Revue de deux Mondes» № от 15 дек. 1922 г.; версия Витте («Воспоминания» т. I, стр. 390—395 и Диллона; версия Извольского («Мемуары» гл. II). Извольский более точен в оценке договора. Он признает, что договор был направлен не против Франции, и ставил целью не расторжение, а преобразование фр.-русского союза.

случае Германия действительно стала бы сосредоточением всей европейской континентальной системы союзов, так как, сохраняя место во главе тройственного союза, она установила бы в то же время связь Германии с франко-русским союзом, совершенно преобразовав политический и военный смысл последнего. Это была бы обеспеченная гегемония Германии в Европе и максимально-выгодная расстановка сил для борьбы с Англией за передел мира. Поэтому неудивителен восторг кайзера после заключения договора в Бьорке.

Можно ли, рассматривая вопрос о бьоркском договоре и давая ему оценку с точки зрения интересов России, сводить дело к невероятной ограниченности последнего Романова, не отдававшего себе отчет в том, что он подписывает акт, противоречащий союзному договору с Францией? Нам кажется, что такое отношение к бьоркскому договору неправильно. Вопрос, который стоял перед царским правительством, был, действительно, серьезным вопросом: будет ли Россия в изменившихся условиях, когда Франция и Англия сблизилась между собою, втянута в новую англо-франко-русскую политическую комбинацию во главе с Англией, или же Россия в борьбе между двумя империалистическими гигантами, которая уже ясно обрисовалась в 1905 году, станет на сторону Германии и приложит усилия перетянуть на эту сторону и Францию. Какая из этих двух возможных комбинаций была более выгодна для России в период довоенного империализма? Для русского самодержавия, для династических интересов Романовых более безопасной была вторая. Последний Романов действовал с этой точки зрения вовсе не так глупо, когда подписывал договор в Бьорке. Нисколько не умнее были те дипломаты, которые стали на путь вовлечения России в Антанту. Их политика не была более целесообразной. Но, как увидим дальше, она и диктовалась не целесообразностью, а необходимостью. Русское самодержавие в XX веке уже не обладало свободой выбора. Оно не могло вести самостоятельной внешней политики.

Почему искусно задуманная и удачно начатая германская дипломатическая комбинация кончилась несомненным провалом?

Мы считаем, что кульминационным пунктом всей комбинации был не марокканский вопрос в узком смысле, а договор с Россией (и через нее с Францией), и провал комбинации начался именно с краха Бьоркского договора, следствием последнего в очень большой степени явился и проигрыш игры в Алжезирасе. Следовательно, поставленный нами вопрос сводится к другому: почему не вошел в действие подписанный царем и кайзером договор?

Так же, как мы не согласны с теми историками, которые рассматривают договор в Бьорке как случайный эпизод, так мы не считаем возможным в объяснении причин отказа России от договора в Бьорке довольствоваться ссылкой на противодействие «умных» министров, которые отговорили ограниченного царя. Этот вариант объяснения пущен в обращение в «Воспоминаниях» Витте и повторяется в работах очень авторитетных историков¹. Документы, помещенные в

¹ Витте (см. «Воспоминания», т. I, стр. 393 и след.) объясняет дело так: Вернувшись в Россию после заключения мира с Японией, он впервые узнал о дого-

«Красном архиве»¹, показывают, что дело обстояло более сложно. Несмотря на то, что министр иностранных дел Ламздорф был настроен против договора, русская дипломатическая машина была приведена в действие для того, чтобы склонить Францию к вступлению в новую союзную лигу. Но здесь проект, задуманный кайзером, встретил твердый отпор. Германская дипломатия совершенно неправильно расценила впечатление, произведенное на французское правительство и на французское общественное мнение событиями лета 1905 г., во время которых тон Германии в тех переговорах, которые велись до отставки Делькассе, был, действительно, вызывающим. Германское правительство рассчитывало на покорность, — встретилося с затаенным, но глубоким озлоблением, искусно подогреваемым из Лондона. Тот же самый Рувье, который занимал примирительную позицию во время критических дней, когда угроза войны висела над Францией, ответил послу России Нелидову на его осторожный демарш отказом, облеченным в очень любезную форму: «У нас есть союз и нам его достаточно: это ваш»². В дальнейшем, в ответ на новые настояния Нелидова, Рувье выразил совершенно определенным образом французское отношение к проекту франко-русско-германского союза. Он напомнил Нелидову о захвате Эльзас-Лотарингии, о пятимиллиардной контрибуции 1871 г. и заверил, что несмотря на все это, Франция готова поддерживать с Германией мирные отношения. «Но с нас требовать больше ничего нельзя, — продолжал он. Нация не потерпела бы большей близости с Германией. Она не может забыть, что она от нее перестрадала и о чем еще так недавно и бесполезно нас заставили вспомнить. Союз с Германией невозможен. Правительство обязано считаться с чувствами страны»³.

После такого ответа Франции сохранение Бьоркского договора действительно означало бы разрыв франко-русского союза. Но у царского правительства к этому времени даже возможности выбора не было: оно должно было действовать под давлением острейшей финансовой нужды. Заем был совершенно необходим для спасения самодержавия, а заем в том размере, в какой Россия его просила, могла дать только Парижская биржа, притом при финансовом содействии Лондона. Вопрос о займе определил позицию русского правительства и в отношении к Бьоркскому договору и в отношении к марокканскому конфликту.

Еще летом 1905 года, до заключения мира с Японией, начались переговоры о займе. В июле 1905 г., отправляясь на конференцию в Портсмуте, Витте заехал в Париж. Он имел беседу с премьером Рувье, в которой заявил, что России во всяком случае понадобятся деньги

воре в Бьорке от растерянного Ламздорфа. Витте решил воздействовать на царя через великого князя Николая Николаевича и, как он дает понять, именно благодаря этому достиг цели. С. Фей сводит дело к воздействию Ламздорфа (Т. I, стр. 130), также и Тарле.

¹ «Кр. архив», № 5, стр. 5—49, а также «Красный архив», № 41—42 и особенно № 44.

² «Кр. архив», № 5, стр. 31.

³ «Кр. архив», № 5, стр. 42.

или для ведения войны, если не удастся заключить мира, или для ликвидации ее последствий. Рувье ответил отказом: пока Россия не заключила мира, она не может рассчитывать на французский денежный рынок; «покуда вся военная сила России находится на Дальнем Востоке, она является бессильной союзницей Франции на случай каких-либо осложнений в Европе»¹.

В сентябре, возвращаясь из Портсмута после заключения мира, Витте в Париже уже совершенно определенно поставил вопрос о займе. На этот раз Рувье категорически обусловил предоставление займа благополучным разрешением марокканского кризиса при содействии России. «Он мне обещал, — пишет Витте, — что если марокканский вопрос уладится, то правительство не будет препятствовать займу, и он, Рувье, мне окажет не только полное содействие как глава правительства, но и как Рувье, т. е. финансист»². После этого разговора Витте немедленно отправился к германскому послу кн. Радолину, чтобы через него склонить Германию к уступчивости. По дороге в Петербург Витте был приглашен в Роминтен, охотничий замок императора Вильгельма. Витте не был еще осведомлен о результатах свидания в Бьорке. Вильгельм не сказал ему о заключенном договоре (по мнению Витте для того, чтобы предоставить эту возможность Николаю), но обращался с Витте, как с влиятельным сановником союзной державы. В это время предварительные переговоры между Германией и Францией о программе Алжезирасской конференции грозили зайти в тупик. Витте легко склонил Вильгельма к уступчивости, убедив, что в этом заключается лучший путь к достижению желаемого сближения с Францией. Итоги переговоров с Вильгельмом Витте формулировал в следующей телеграмме, посланной от его имени из посольства в Берлине: «Я имел честь представить императору Германии мои объяснения по марокканским вопросам и его величество благосклонно сказал мне, что в его намерения не входит создавать трудности для французского правительства и что он даст по этому поводу свои императорские повеления»³. На наш взгляд острая потребность в займе обусловила и отношение Витте, который сам был сторонником русско-германского сближения (и даже оставался им во время войны 1914—1918 гг.), к Бьоркскому договору. Именно она, после того как выяснилось резко отрицательное отношение Франции к сближению с Германией, заставила Николая пойти на небывалое дело — дезавуировать подписанный им, «самодержцем

¹ Так передает слова Рувье Витте. См. «Воспоминания», т. I, стр. 331—332, см. D. F. № 258 т. VII. Витте в разговоре с Рувье 25 июля, не зная еще о договоре в Бьорке, пытался склонить премьера к идее континентального союза: Франция—Россия—Германия.

² Витте, стр. 371.

³ «Воспоминания», т. I, стр. 383 (и вся глава 29-я). Рассказ Витте о свидании в Роминтене подтверждается как русскими, так и французскими документами. Конечно Витте склонен преувеличивать свою роль в мирном исходе конфликта и неточно передает многие факты. Но французские документы (см. донесение Бигура от 25 сент. т. VII № 459) свидетельствуют о влиянии, оказанном министром союзной России на канцлера. Франция сумела ловко использовать летом 1905 г. отвергнутый ею потом русско-германский союзный договор!

России», Бьоркский договор. Эффектный момент в истории довоенного империализма, когда оказалось, что слово парижской биржи имеет больший вес, чем царское слово и царская подпись! 7 октября 1905 г. Николай писал Вильгельму покаянное письмо¹, в котором заявлял о необходимости отложить выполнение договора, ссылаясь на то, что не имел в Бьорке с собой текста франко-русского договора, а шаги, предпринятые во Франции, чтобы склонить присоединиться к договору, пока не привели к успеху. Вильгельм отвечал письмом, в котором звучит еле скрываемое раздражение. Он ссылаясь на двусмысленное поведение Франции во время русско-японской войны, утверждая, что марокканский кризис разрешен к общему удовлетворению, и настаивал на осуществлении договора... «Что подписано, то подписано! И бог был нам свидетелем». Тем не менее Бьоркский договор был погребен; к ноябрю 1905 г. относятся уже собственно помертвные упоминания о нем в переписке «Ники» и «Вилли». Но до конца ситуация вскрылась для Германии только во время Алжези-расской конференции.

Между тем переговоры о заключении займа затягивались. Банкирская группа во главе с Нейцлином, ведшая дело с русским правительством, через посредство, главным образом, русского финансового агента в Париже Рафаловича, охотно шла на сделку, но встречалась с сопротивлением кабинета Рувье. Последний не допускал реализации займа до тех пор, пока на Алжези-расской конференции не разрешится в благоприятную для Франции сторону марокканский вопрос. Как показывает переписка, которую Витте вел через посредство Рафаловича с послом в Париже Нелидовым², для французского правительства вопрос «о конституционности» займа играл совершенно второстепенную роль; если он и выдвигался иногда, то только для отвода глаз. Ставку на русский царизм и республиканское правительство Франции и биржевые круги ставили еще смело. Но они совершенно определенно заявляли, что необходимо содействие России в разрешении марокканской проблемы.

16 января 1906 г. открылись заседания Алжези-расской конференции. Пределы ее компетенции были ограничены определенными рамками, поставленными предварительным соглашением Германии и Франции; принцип суверенитета Марокко и экономического равенства был предварительно установлен. Таким образом, на международную арену Франция могла взять реванш только в ряде частных, но очень существенных вопросов о политических и экономических реформах в Марокко. Представителями России на ней были граф Кассини и д. с. с. Бахерахт, хорошо осведомленный в марокканских делах. Инструкция, выработанная для русских уполномоченных министерством иностранных дел (Ламздорф), предписывала им поддерживать французские требования и в случае необходимости выступить посредником между Германией и Францией³. Россия, не заин-

¹ «Die Grosse Politik», XIX, вып. 2-ой стр. 513—514. «Кр. архив», № 5. Русско-германский договор в Бьорке». Привожу в извлечениях, так как переписка В. и Н. часто цитировалась (С. Фей, Тарле и др.).

² «Кр. архив», № 44. «Новые материалы об Алжези-расской конференции».

³ «Кр. архив», №, 41—42 «Россия и Алжези-расская конференция», стр. 7—11.

тересованная непосредственно в Марокко, в силу сплетения вопроса об исходе конференции с вопросом о займе была действительно кровно заинтересована в том, чтобы 1) конференция не закончилась срывом и новым обострением положения в Европе; 2) чтобы работы конференции были закончены в кратчайший срок (с займом надо было спешить!); 3) чтобы Франция была удовлетворена результатами конференции. Таким образом для Франции сложилась во время конференции чрезвычайно благоприятная ситуация: она могла всецело рассчитывать на поддержку России, Испании и, в силу договора 1900 г., на поддержку союзницы Германии — Италии¹.

Что же касается Англии, то ее позиция была чрезвычайно показательна для английской политики в ходе всех марокканских конфликтов. В течение всего лета 1905 г. английское правительство усиленно разжигало воинственное настроение во Франции, поддерживая Делькассе. Английская влиятельная пресса («Times») помещала статьи, в которых сама мысль об участии Германии в разрешении вопросов о Марокко и о созыве конференции отвергалась с негодованием². Ко времени созыва конференции в Англии произошла смена кабинета. Либеральный кабинет Кэмпбелль—Баннермана включал в себя много министров-гладстонианцев, отстаивавших пацифистические позиции. Приходилось считаться с возросшим политическим влиянием рабочего класса (выборы 1906 года, как известно, впервые привели в палату общин компактную группу лейбористов), приходилось лавировать³. Но руководство внешней политикой находилось в руках либералов-империалистов (статс-секретарь Эд. Грей), продолжавших политику консерваторов, только в более законспирированных формах. Вести политику сближения с Францией, не оформляя ее в виде письменного обязательства, — вести ее, не доводя о важнейших мероприятиях до сведения не только парламента, но даже кабинета в целом, — такова была линия Эд. Грея и его ближайших единомышленников в кабинете. С начала 1906 г. в глубокой тайне от парламента (он узнал об этом в 1914 г.!) начались военные «собеседования» английского и французского штабов, детально разработавших план английского десанта в помощь французской армии против Германии⁴. В 1906 году война с Германией была для Англии

¹ Германская печать после конференции с большим раздражением отзывалась о поведении итальянского делегата, который был инициатор франко-итальянского сближения, Висконти-Веноста. Горькие упреки вызывала и позиция России, в особенности, когда «Temps» опубликовала в преувеличенном виде инструкцию Ламздорфа делегатам. (См. «Кр. архив», стр. 59 и 50—54).

² См. об этом, основательно документированное выдержками из статей английской прессы, изложение у Мореля, стр. 75—77 и гл. XVI.

³ 18 марта 1912 г. П. Камбон писал Пуанкаре, говоря о возможности обмена декларациями между английским и французским правительствами: «Это то, что мы сделали бы в 1905 г. с лордом Ленсдоуном, если бы отставка Делькассе не прервала наши собеседования» (Documents diplomatiques français, серия III, т. II, док. № 363. Пуанкаре в мемуарах (т. I) говорит о том, что либералы не рисковали идти на заключение союза, на которое шли консерваторы («Le lendemain d'Agadir» стр. 187).

⁴ «Britisch Documents», т. III, Appendice I показывает, насколько детально был разработан во время Алжезирасской конференции план военного сотрудничества Англии и Франции против Германии.

выгодным и довольно безопасным делом! В случае поражения на суше расплатилась бы Франция, а в том, что германский флот будет уничтожен, что торговля Германии будет парализована, а колонии ее завоеваны, в этом сомневаться ни в 1905 г., ни в 1906 г. не приходилось! Срыв Алжезирасской конференции был бы на руку английскому правительству. Эта позиция Англии подтверждается русскими документами об Алжезирасской конференции. Английские представители твердо поддерживали французские требования. Это были, так сказать, легальные их действия, вытекавшие из договора 1904 года.

В то же время английский кабинет усиленно предавался показному пессимизму по поводу исхода конференции и вел военные приготовления. От 21 февраля мы имеем два, подтверждающих одно другое, сообщения об этом. Сазонов пишет из Лондона Ламздорфу¹: «Хотя министр и сказал мне, что он не допускает в настоящее время возможности вооруженного столкновения между Францией и Германией, я заметил, что общее направление германской политики внушает ему крайнее недоверие. Тревожное состояние, которое неминуемо явится последствием неудачи Алжезирасской конференции, может, по его мнению, продлиться неопределенное время и послужить удобною почвой для возникновения дальнейших международных осложнений, последствий которых невозможно предугадать». Из дальнейшей беседы с министром Сазонов вывел заключение, что дошедшие до него слухи (источником их был не кто иной, как французский посол П. Камбон) о введущихся Англией обширных приготовлениях на море не лишены основания».

Из Бомбея в это время Клемм сообщал об откровенных разговорах во влиятельных кругах англо-индийского общества. «Возможность вооруженного столкновения между Францией и Германией открыто обсуждается в клубах и в частных домах и на всех лицах как бы читается вопрос: найдется ли в лице Франции новый благодетель, который вытащит для Англии каштаны из огня, т. е. ослабит глубоко ненавистную и экономически столь опасную Германию, хотя бы поплатившись своими боками»².

Конечно, то, о чем сообщал Клемм, были только разговорами в кругах, очевидно, близких к Китченеру. Но удивительно, что поведение официального представителя Англии на конференции, сэра Никольсона, одного из влиятельнейших английских дипломатов и инициаторов Антанты, вполне соответствовало и пессимизму Грея и разговорам в Бомбее.

В конце марта, когда по наиболее острому вопросу об организации полиции в Марокко конференция, казалось, зашла в тупик, — то английский представитель стал склонять членов конференции прекратить работы конференции, возложив ответственность на Германию, занявшую непримиримую позицию³. Понадобилось посредничество русских представителей, чтобы предотвратить эту опасность.

¹ «Кр. архив», № 41—42. Деша Сазонова (в то время поверенного в делах) от 21(8) февр., стр. 27—29.

² «Кр. архив», № 41—42, стр. 29.

³ См. телегр. Кассини Ламздорфу от 7/III 1906 г. («Кр. архив» № 41—42, стр. 34).

При таких условиях конференция затягивалась, а положение русских финансов становилось все более критическим. Кабинет Рувье пал. Новый кабинет Сарриена включал в свой состав «опасного» министра — главу радикалов Клемансо. Появились опасения, не будет ли вождь крайней левой буржуазной партии Франции, сокрушитель кабинетов, Клемансо — «тигр» возражать против займа царскому правительству накануне созыва первой Государственной думы, — займа, против которого во главе с Горьким протестовали все лучшие русские люди. Но Клемансо быстро развеял эти опасения¹. В вопросах внутренней политики России французские радикалы были сговорчивы, они довольствовались заключением царского чиновника профессора д. т. с. Мартенса о «конституционности» займа. Но в вопросах о Марокко они держались с прежней неуступчивостью; пока конференция не будет доведена до победного конца, биржа кредитов не предоставит. 29 (16) марта Витте телеграфировал в отчаянии Рафаловичу для передачи Нелидову: «Россия, у которой казна пуста, стоит перед лицом подавленной, но все еще угрожающей революции... Во имя прочности самого русского государственного здания и чтобы не скомпрометировать положение России в качестве великой державы, необходимо быстрое решение. Почти чудо, что удалось продержаться до настоящего времени...»²

В телеграмме звучит вопль! Но желанный момент был близок. 31 марта Кассини телеграфировал Ламздорфу: «Счастлив сообщить вам, что после переговоров, в которых русская делегация принимала самое деятельное участие, сегодня утром достигнуто полное соглашение по всем пунктам, и что окончательный протокол будет подписан на будущей неделе»³.

В тот же день 31 марта, Ламздорф всеподданнейше доносил Николаю: «Только что посетивший меня французский посол по поручению своего правительства сообщил, что к заключению займа во Франции никаких препятствий не имеется. Bomparé (Бомпар) прибавил к сему, что французское правительство, глубоко признательное за постоянное оказание ему в последнее время содействия, счастливо иметь возможность отдать себя в полное распоряжение России для облегчения предстоящих финансовых операций».

Таким образом, при деятельном участии России Алжезирасская конференция закончилась дипломатической победой Франции, а платой за резкое ухудшение русско-германских отношений, в недалеком прошлом оформленных в виде союзного договора, явился заем, предоставленный Францией царизму на покрытие издержек войны и подавление революции. Алжезирасская конференция была критическим моментом в дипломатической истории царской России. Во время нее русская дипломатия, пытавшаяся вначале занять посредническую позицию, вынуждена была продемонстрировать свое безо-

¹ Телегр. Нелидова Ламздорфу от 15(2) марта 1906 г. («Кр. архив», № 41—42, стр. 42).

² «Кр. архив» № 44, стр. 164. Непосредственная финансовая угроза заключалась в отказе от золотой валюты и в установлении принудительного курса бумажных денег.

³ «Кр. архив», № 41—42, стр. 54—55.

говорочное присоединение к англо-французскому блоку. В циркуляре от 19 марта Ламздорф довел до всеобщего сведения инструкцию, данную русским делегатам — поддержать Францию в спорном вопросе о полиции в Казабланке. Опубликованный Тардьё в «Temps» раньше, чем он был официально сообщен германскому правительству, циркуляр вызвал резкое ухудшение русско-германских отношений. Договор в Бьорке был погребен окончательно. Германское правительство запретило банкам принимать участие в русском займе.

Постановления Алжезирасской конференции носят компромиссный характер. Торжественное вступление к генеральному акту провозглашает три принципа: 1) суверенитет и независимость султана; 2) целостность Марокко; 3) экономическую свободу и равенство держав в развитии экономических отношений с Марокко. Это вступление отвечает требованиям Германии, заинтересованной в сохранении принципа «открытых дверей» в Марокко. Оно отражает тот фазис в переговорах о Марокко, который предшествовал конференции и в котором очевидный перевес был на стороне Германии. Шесть деклараций, из которых состоит генеральный акт, являются плодом состязания на международной арене, в котором в силу указанных выше причин перевес склонился на сторону Франции. Поэтому в ряде пунктов они содержат такие преимущества для Франции и Испании, которые послужили юридическим основанием для деятельности, систематически направленной на разрушение Алжезирасских постановлений в целом. Генеральный акт Алжезирасской конференции установил (в противоречии с торжественным вступлением) коллективное закабаление Марокко, но в этом коллективе европейских империалистических держав он ряд важных привилегий предоставил Франции и ее партнеру — Испании. Особенно существенным было то, что организация полиции в 8 открытых портах Марокко была на 5 лет поручена Франции и Испании под верховным надзором швейцарского офицера. Организация полиции создавала удобный повод для постоянного вмешательства во внутренние дела Марокко под предлогом поддержания порядка. Точно также осуществление надзора за контрабандой оружием было поручено Франции в областях, смежных с Алжиром, и Испании в областях, примыкающих к Сеуте и Мелилье.

Наконец, при организации Марокканского государственного банка Франция получала большую долю участия, чем остальные 12 держав, между которыми были распределены акции¹.

Алжезирасская конференция еще не означала полного поражения Германии в марокканском вопросе. Но она означала нечто гораздо более важное. Распределение голосов в Алжезирасе показывало распределение международных сил в подготавлившемся поединке Англии с Германией. Поэтому с полным основанием можно сравнить значение событий 1905 года в истории дипломатической подготовки первой

¹ Текст генерального акта см. в русском переводе у Ключникова и Сабанина т. I, док. № 320.

империалистической войны со значением битвы на Марне в ходе войны. Это было стратегическое поражение, изменившее самый характер кампании и во многом определявшее поэтому и конечный ее проигрыш.

Итогом событий 1905—1906 гг. явилось образование Антанты. Как можно было предполагать, после срыва Бюркского договора сохранение франко-русского союза в непреобразованном виде при наличии тесных связей Франции с Англией означало втягивание России в тройственную группировку, гегемоном которой являлась Англия.

Чем объяснить победу Англии в дипломатическом поединке с Германией? Нельзя объяснить ее особыми преимуществами английской довоенной дипломатии над немецкой, хотя надо признать, что английские империалисты своевременно учли, кто является главным противником, и повернули фронт, а германская дипломатия летом 1905 года допустила крупную ошибку, не дооценив силы сопротивления со стороны Франции. Но коренные причины поражения Германии, приведшие к образованию Антанты, лежат глубже.

1) Германский империализм не мог не вести наступательной политики по положению, которое он занял в мировой капиталистической системе. Позже выступивший на арену борьбы за мировые рынки, германский капитализм должен был отвоевывать поле для своей деятельности у старых капиталистических стран. В эпоху монополистического капитализма такое отвоевание не могло идти путем «мирной» конкуренции на чисто экономической почве. Наступление германского империализма при чрезвычайно быстрых (для капитализма) темпах его развития создавало настолько серьезную угрозу для старых капиталистических стран — Англии и Франции, что побуждало их, притупив старые распри, блокироваться против молодого соперника.

2) У Англии была большая свобода маневрирования, чем у Германии. Она могла использовать и использовать богатейший резервный фонд колоний и сфер влияния для покупки союзников. Так было в 1904 г., когда Англия сознательно пожертвовала долей своих интересов в Марокко для того, чтобы такой ценой на много лет подчинить себе французскую политику. Так было и в 1907 г., при заключении договора с Россией. Северная Персия и неопределенные обещания сотрудничества в балканском вопросе были относительно дешевой ценой за привлечение России к английскому блоку.

3) Но в отношениях с Россией решающую роль, как мы видели на анализе событий 1905—1906 гг., сыграло другое средство воздействия. Государственные займы и капиталовложения в русскую промышленность сделали царизм резервом англо-французского империализма и обеспечили сближению с Англией и Францией симпатии русской буржуазии. Существенно отметить, что в 1906 г. впервые после 1854 г. английский денежный рынок был открыт для помещения русских займов¹.

¹ Ленин отметил знаком NB в книге Брейлсфарда «Война золота и стали» следующее место: «С 1854 г. до 1906 г. Сити бойкотировал Россию. Заем 1906 г. последовал за намеками, содержащимися в речи сэра Эдуарда Грея и явно инспирированными статьями в «Times», которые предсказывали заключение политического соглашения, о котором велись тогда переговоры. (Ленинский сборник, XXIX, стр. 257).

Таким образом не в тех или иных маневрах хитроумных дипломатов, а в основных закономерностях эпохи империализма лежат коренные причины образования Антанты.

III

5 лет отделяют первый марокканский конфликт от Агадирского кризиса 1911 г. В течение этих пяти лет обстановка в Марокко претерпела существенные изменения.

Каждый из участников Антанты стремился использовать создавшийся под руководством Англии блок для противодействия экспансии германского империализма и для осуществления определенных захватнических целей. У Франции эти цели состояли в систематическом создании колониальной империи в северо-западной Африке со включением в нее Марокко. Нарушение принципов независимости и территориальной неприкосновенности Марокко началось немедленно после их провозглашения в Алжезирасском акте.

В 1907 г. французы использовали убийство французского подданного для того, чтобы оккупировать пограничную с Алжиром территорию Уджду. В сентябре того же года в Казабланке местное население восстало против действий франко-испанской компании, проводившей железную дорогу через старинное мавританское кладбище; несколько европейцев было убито. В возмездие за это французская эскадра бомбардировала Казабланку; французские войска заняли важную область Шауйя, лежащую у побережья Атлантического океана. На правительство султана была возложена материальная ответственность за разрушения, причиненные военными действиями французского флота, и предъявлен к уплате счет в размере около 75 миллионов франков.

В Марокко вспыхнуло восстание арабско-берберских племен против султана Абдул-Азиса, сделавшегося игрушкой в руках европейцев. Султаном был провозглашен, ставший во главе восстания брат низложенного султана — Мулай-Гафид. В борьбе между Мулай-Гафидом и Абдул-Азисом, как в особенности подчеркивают французские историки, опирающиеся на документы, опубликованные во французском официальном издании («*Livre jaune, Affaires du Maroc*», III—IV), большую роль играли немецкие интриги. На такой почве в сентябре 1908 г. разыгрался инцидент в Казабланке — известное «дело о дезертирах» из французского иностранного легиона, укрытых в германском консульстве. Дезертиры были арестованы при попытке переправить их на немецкое судно, при этом чины консульства подверглись оскорблениям со стороны французских военных¹.

Мы упоминаем об этих событиях, лежащих вне пределов темы нашей работы, только для того, чтобы рельефнее показать общее направ-

¹ Насколько предвзятая тенденция сквозит в работах буржуазных авторов о марокканских конфликтах, видно из того, что Морель, стоящий на германофильской точке зрения, тщательно отмечая факты насилий французов в Марокко, не упоминает вовсе о германских интригах, сопутствовавших возведению на престол Мулай-Гафида, и игнорирует инцидент в Казабланке. Наоборот, авторы, у которых преобладает симпатия к французам, умалчивают о тех жертвах, которыми сопровождалась бомбардировка французской эскадрой скупленного марокканского города Казабланки.

ление германской политики в Марокко между 1907 и 1911 годом. Характерной чертой ее в данный период времени является стремление не доводить столкновений интересов французского и германского империализма в Марокко до острого конфликта. Инцидент в Касабланке, после того как вначале переговоры о нем приобрели острый характер (вплоть до угрозы со стороны германского посла Шена немедленно выехать из Парижа, если не последует извинений со стороны французского правительства за оскорбление консула) — был замят. Дело было передано на рассмотрение Гаагского трибунала, признавшего, что обе стороны совершили незаконные действия. Более того, Германия не только примирилась с оккупацией французами важных областей в Марокко, не только согласилась на полюбовную ликвидацию дела о дезертирах, но и пошла на заключение с Францией нового соглашения о Марокко, подписанного 8 февраля 1909 г. В декларации от 8/II 1909 г. германское правительство заявило, что оно преследует в Марокко исключительно экономические интересы и принимает решение не препятствовать о с о б ы м политическим интересам Франции, тесно связанным «с укреплением порядка и внутреннего мира в Марокко». Французское правительство со своей стороны еще раз подтверждало независимость Марокко, обязалось ограждать экономическое равенство в шерифской империи, не препятствуя в ней коммерческим и промышленным интересам Германии¹. Соглашение от 8 февраля положило начало попыткам наладить определенное сотрудничество французского и германского капитала не только в Марокко, но и в других африканских колониях, в том числе и во французском Конго (переговоры о превращении компании Нгоко-Санга во франко-германскую привилегированную компанию с правом организовывать полицию на территории Конго). Экономическое сотрудничество в Африке (это доказывают документы, опубликованные в XXIX томе «Die Grosse Politik»)² рассматривалось германским правительством, и в особенности самим Вильгельмом II, как средство политического сближения с Францией.

Кайзер был в восторге от результатов того направления, которое он называл «своей марокканской политикой», и даже выразил пожелание вставить в тронную речь соответствующий абзац, выражающий удовлетворение по поводу нового этапа в отношениях с Францией. Гораздо более сдержанно к этому относился новый канцлер Бетман-Гольвег, разделявший те опасения, которые внушал германским банковским и промышленным кругам, заинтересованным в марокканских предприятиях, непрерывный рост политического влияния Франции на шерифское правительство. Побывавшие в Марокко представители деловой Германии и германские дипломатические агенты в Марокко с тревогой отмечают в своих донесениях, что Франция шаг за шагом забирает управление в Марокко в свои руки и что такое положение неминуемо должно привести к вытеснению таких крупных германских фирм, как бр. Маннесман и других, вложивших значительные капи-

¹ Текст в русском переводе у Ключникова и Сабанина, т. 1, док. № 335; «Die Grosse Politik» XXIV, стр. 454 и дальше, Морель, гл. VI.

² XXIX гл. CCXXVI.

талы в разработку руд в предгорьях Атласа. Тем не менее вплоть до острого конфликта 1911 года германское правительство оставалось в общем равнодушным к жалобам и претензиям колониальных деятелей и пангерманистов.

Таким образом, мы констатируем определенные повороты, внезапные изменения в направлении германской политики в Марокко. В 1898—1901 гг. в переговорах с Англией Германия остается равнодушной к приманке, которую в виде раздела Марокко, предлагали ей англичане, а в 1905 г. Германия едва не доводит до вооруженного столкновения конфликт с Францией из-за независимости и неприкосновенности Марокко. В 1908—1910 гг. германское правительство готово пойти на уступки Франции в марокканском вопросе, закрывает глаза на нарушения Алжезирасского акта, довольствуется чисто словесным его подтверждением, пытается организовать экономическое сотрудничество и не склонно поощрять противодействие, которое германские капиталисты пытаются оказать французскому «мирному проникновению», а в 1911 г. Германия опять решается на военную угрозу из-за Марокко. Такие повороты германской политики нуждаются в объяснении. Их нельзя объяснять, как это пытаются делать некоторые авторы (в том числе С. Фей) сменой настроений кайзера, который то высказывал «свойственное ему миролюбие», то поддавался влиянию колониальных кругов. Объяснение смен германской политики в Марокко выводит нас за пределы марокканских дел. Оно лежит в различных фазах, в которые вступала в зависимости от изменения международной обстановки основная линия всей германской внешней политики времен довоенного империализма, — линия, направленная на систематическую подготовку к предстоящему в более или менее близком будущем решительному столкновению с Англией в борьбе за передел мира.

В 1901 г., как мы видели, Германия остается равнодушной к Марокко, потому что пойти на эту приманку означало стать орудием английской политики в борьбе против тогдашних противников Англии — России и Франции. В 1905 г. Германия шла на марокканский конфликт, потому что видела в этом средство разрушить англо-французское сближение, запугав Францию, вовлечь ее в континентальную лигу против Англии.

В 1908—1910 гг. Германия занимала примирительную позицию в марокканском вопросе, потому что могла оказаться лицом к лицу со сплоченным фронтом Антанты, а вооруженного столкновения Антантой в целом Германия безусловно избегала. Но почему в 1908—1910 гг. Германия могла опасаться единства действий Антанты несмотря на наличие в то время серьезных расхождений между ее членами? Причина лежит в балканских делах.

В доказательство этого, напомним некоторые даты. 25 сентября 1908 г. произошел инцидент в Казабланке, а 5 октября того же года были вручены правителям европейских держав личные письма Франца Иосифа с заявлением, что Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину.

В январе-феврале 1909 г., т. е. именно в то время, когда было подготовлено и заключено франко-германское соглашение о Марокко, кризис, вызванный аннексией, достиг наивысшего напряжения. 14 марта 1909 г. Германия предложила России свое посредничество, ко-

—
торое разрешало столкновение из-за аннексии Боснии и Герцеговины в пользу Австро-Венгрии, открывая возможность для русской дипломатии отступить с сохранением некоторой видимости престижа. 21 марта предложение было повторено в форме слегка завуалированного ультиматума. Нет сомнений, что в данном случае мы имеем не случайное совпадение хронологических дат. Выступив на поддержку своего немощного, но агрессивного союзника на Балканах, Германия связывала себе руки на Западе, так как в противном случае она имела бы перед собой единый фронт противников; тогда как притушив на время свои противоречия с западным крылом Антанты, она смело могла рассчитывать на наличие больших расхождений, существовавших в это время между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, в балканских делах. Вести активную политику, угрожающую военными столкновениями одновременно на обоих фронтах: восточном — балканском и западном — марокканском, Германия не отказывалась. Протокол совещания руководителей германской политики и германских вооруженных сил, созванного кн. Бюловым незадолго до его отставки¹, показывает, что такие авторитетные лица, как адм. Тирпиц и ген. Мольтке низко расценивали шансы Германии в случае столкновения с Англией в течение 5—6 ближайших лет.

Таким образом, мы приходим к выводу, что обострение отношений с Россией, вызванное активным содействием, оказанным Австро-Венгрии в балканском конфликте, сыграло определенную роль в тех уступках, которые были сделаны в 1908—10 гг. французам в Марокко, и в попытках германского правительства на время притушить противоречия на Западе. Это положение доказывается германскими документами, помещенными в XXIV томе Г. Р. В особенности настойчиво проводил эту линию Вильгельм II. 6 октября, получив известие об аннексии Боснии и Герцеговины, кайзер дал директиву Бюлову скорее ликвидировать трения с Францией «теперь, когда большие вопросы стоят в игре (XXIV стр. 441). В ноябре Франц-Иосиф обратился с личной просьбой к кайзеру — достичь скорее соглашения с Францией (Г. Р. XXIV стр. 336-337).

Самый факт образования Антанты лимитировал действия германского империализма. Но Антанта, как и всякий блок империалистических держав, не представляла собой абсолютного единства. Только используя внутренние противоречия между членами Антанты, Германия могла прорвать то окружение, которое было создано вокруг нее усилиями Англии. Поэтому германская дипломатия не могла идти на одновременное обострение отношений на Западе и на Востоке, — в Марокко и на Балканах. Поддержка балканской политики Австро-Венгрии тяжелым бременем легла на германский империализм. Германия платилась за нее обострением противоречий с Россией, не вызывавшимся ее непосредственными интересами. А это заставляло ее отступать на Западе.

IV

В апреле 1911 года В. И. Ленин, описывая рост шовинистических настроений в рядах некоторой части английских социалистов, писал:

¹ Приведен у Бюлова, стр. 362—365.

«Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно» (т. XV, стр. 165).

Действительность оправдала ленинский прогноз. В июле 1911 г. разыгрался Агадирский конфликт, едва не приведший к мировой империалистической войне. Ленин отмечает в тетради «Эгельгаф»:

«1911 : Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делают») Марокко. Обменивают Марокко на Конго».
(Лен. сборник, т. XXIX, стр. 285).

В генезисе Агадирского конфликта определяющую роль сыграли два фактора: 1) выяснившийся с очевидностью к июлю 1911 г. полный крах Алжезирасского генерального акта и франко-германского соглашения 1909 г. о Марокко; 2) изменение международной обстановки, позволявшее Германии в 1911 г. рассчитывать на отсутствие единства действий Антанты в марокканском вопросе.

Политическое и экономическое закабаление Марокко интернациональным финансовым капиталом продолжалось безостановочно. Новый султан Мулай-Гафид, возведенный на престол в результате победоносного восстания арабско-берберских племен, подобно своему низложенному брату Абдул-Азису, позорно предавал интересы родины. Он поспешил купить признание европейских держав, подтвердив заключенные Абдул-Азисом неравноправные договоры. В 1910 году шерифскому правительству был силой навязан кабальный договор о новом займе. Об условиях этого займа красноречиво говорил Жорес на заседании палаты депутатов 24 марта 1911 г.¹ Стомиллионный заем должен был пойти на уплату военной контрибуции французам и на покрытие прежних займов; таможенные доходы Марокко целиком переходили в руки международных банкиров, как обеспечение займа. Львиная доля участия в займе доставалась французским банкам (40%), Германия получила — 20%, Англия и Испания по 15%. Финансовые группы, участвовавшие в выпуске облигаций займа, получили колоссальные куртажи. «Шерифскому правительству приходилось платить проценты на десятки миллионов, оставшихся в кармане банкиров»².

В закабалении Марокко были заинтересованы и французские и германские финансовые группы. Никакой принципиальной разницы между хищническими действиями той и другой ветви интернационального финансового капитала мы не видим. Но и з-а доли участия в эксплуатации Марокко и других африканских колоний между ними возникла борьба. Французский капитал стремился к монопольному положению в Марокко; действия французского правительства, посылавшего карательные экспедиции для подавления восстания и подчинившего себе Махзен, должны были обеспечить ему эти монопольные позиции.

Столкновения интересов отдельных национальных групп финан-

¹ Извольский внимательно следил за перипетиями марокканского вопроса. О заседании 24/III и о речи Жореса см. его донесение (Фр.-русс. отн., стр. 58).

² Фр.-русс. отн., стр. 58.

систов особенно обострились в 1910—1911 гг. Франко-германское экономическое сотрудничество в Марокко и Конго, явившееся основой договора 1909 г., оказалось фикцией. Переговоры об образовании франко-германского консорциума (превращенная форма колониальной компании Нгоко-Санга) для эксплуатации Конго зашли в тупик.

Новый французский кабинет Мониса, образовавшийся в 1911 г., отверг соглашение, подписанное предшествующим кабинетом Бриана. Это вызвало острое раздражение германских колониальных групп и находившихся с ними в тесном единстве пангерманистов («Alldeutsche Verband»). Жорес придавал столкновению интересов германских и французских финансистов из-за вопроса о концессиях компании Нгоко-Санга решающее значение в возникновении Агадирского кризиса¹. Германское правительство считало необходимым предпринять энергичные шаги для удовлетворения влиятельных буржуазных кругов Германии. Как показал в своих работах акад. Тарле, в Германии в 1909—1911 гг. пангерманская пресса резко критиковала правительство и лично Вильгельма II за уступки, сделанные Антанте. Популярность кайзера упала после известного инцидента 1908 г. (дезавуированное интервью в «Daily Telegraph»); кронпринц усиленно добивался популярности среди пангерманистов и военных. Приближались выборы в рейхстаг 1912 г. Как ни ограничено было значение рейхстага в политическом строе довоенной Германии, который Ленин, цитируя Маркса, характеризовал, как «военный деспотизм, обшитый парламентскими формами»², но идея добиться путем эффектного дипломатического выступления избирательной победы, на подобие успеха Бюловского блока 1907 г., рисовалась руководителям германской политики, когда они вырабатывали план нового вмешательства в марокканские дела. Это подтверждается документом программного характера — меморандумом от 3 мая 1911 г., составленным статс-секретарем Кидерленом-Вехтером, являвшимся при мало искушенном в дипломатических вопросах Бетман-Гольвеге руководителем внешней политики Германии. Приводя мотивы в пользу того, чтобы энергичными действиями добиваться компенсаций от Франции, Кидерлен-Вехтер писал: «Если мы их получим, это возместит нам прошлые потери и окажет благоприятное воздействие на предстоящие выборы в рейхстаг»³.

Действия французских колонизаторов создали для такого вмешательства великолепный предлог. Внедрение иностранного капитала в Марокко вызывало рост эксплуатации. Султанское правительство, лишенное всех источников дохода, перешедших в руки банков, увеличило вымогательства от разоренного населения. Марокканские племена упорно боролись за сохранение независимости против иноземцев и ставшего их орудием султана. Весной 1911 года в оккупированной французами области Шауя и в Феце вспыхнуло восстание. Был убит французский полковник Маршан. Войска султана, несмотря на деятельную помощь со стороны французских военных

¹ См. Фр.-русс. отн., стр. 165.

² Ленин, том XVII, стр. 100.

³ Меморандум от 3/V 1911 г. приведен в XXIX т. «Die grosse Politik», стр. 101—108.

инструкторов, потерпели поражение. В апреле 1911 г. Фец, в котором заперся султан и с ним французская военная миссия, был осажден повстанцами. Восстания туземных племен были использованы французами как повод к дальнейшему проникновению в Марокко. Излюбленным приемом французской колониальной политики в Африке было провоцировать восстания арабских и берберских племен с тем, чтобы потом, подавляя их, оккупировать новые области. Так поступили французы в 1907 г., когда заняли пограничную с Алжиром Уджду, Казабланку и Шауйю. Так поступили в 1911 году.

В апреле радикальный кабинет Мониса принял решение послать военную экспедицию вглубь Марокко для поддержки султана и для «защиты жизни и интересов европейских колонистов». Посылка экспедиции, как всегда в таких случаях, мотивировалась единственно соображениями «человеколюбия» и охраны порядка в пограничном с Марокко Алжире¹. 21 мая французский отряд под начальством Муанье занял Фец. Как сообщал Извольский, поспешивший принести поздравления французскому министру, «французские войска не встретили под стенами Феца никакого сопротивления и нашли европейские колонии невредимыми»². Таким образом, слухи, распространившиеся о критическом положении осажденных в Феце европейцев, были выдумкой желтой прессы, финансировавшейся «Марокканским комитетом»³. Их целью было создать предлог для оккупации столицы Марокко, и эта цель была достигнута.

Но, если с военной точки зрения, оккупация Феца не составила никакого труда для французских колониальных войск, то с точки зрения международных отношений создавшееся положение было чрезвычайно сложным. Бесцеремонное по отношению к марокканцам, французское правительство стремилось соблюдать известную осторожность по отношению к европейским державам, сохраняя фикцию соблюдения Алжезирасского пакта.

Еще до посылки военного отряда, о предстоящей экспедиции были уведомлены все заинтересованные державы. При этом французская дипломатия «заверяла», что Франция не намерена нарушать Алжезирасских постановлений и ограничивать суверенитет султана, — что единственной целью экспедиции является спасение жизни европейцев и что оккупация внутренних областей Марокко будет носить только временный характер.

Фикция соблюдения постановлений Алжезирасской конференции была необходима для Франции ввиду позиции, занятой Германией. Германское правительство не представило никаких возраже-

¹ См. донесение Извольского о беседе с мин. ин. дел Круппи. Фр.-русс. отп. стр. 65.

² Письмо Извольского Сазонову от 11/24 мая. М. О. с. II т. XVIII, № 39.

³ Письмо Извольского подробно рассказывает о действиях французского вспомогательного отряда. Сначала был принят более осторожный с точки зрения международных отношений план — остановиться на расстоянии двух переходов от Феца и удовольствоваться восстановлением связи с находившейся там военной миссией. Но потом под давлением «общественного мнения», обеспокоенного якобы судьбой европейцев в Феце (т. е. иначе говоря под давлением финансовых кругов, заинтересованных в полном подчинении Марокко, и зависимой от них желтой прессы) французы оккупировали Фец. (См. Фр.-русс. отнош., стр. 87—88).

ний против посылки французской экспедиции в Фец. Но оно ставило условием, чтобы оккупация Феча была временной и суверенитет султана был соблюден. В противном случае, заявляло оно, Германия будет считать Алжезирасский пакт и договор 1909 г. расторгнутым и приобретет свободу действий¹. Поэтому и после занятия Феча французскими войсками министр иностранных дел в кабинете Мониша Круппи продолжал заверять все иностранные державы в том, что «оккупация Феча продлится ровно столько времени, сколько потребуется на то, чтобы упрочить положение султана Мулай-Хафида и Магзена», что после того, как будет организовано при помощи французов достаточно сильное шерифское войско, французы возвратят свой отряд в Казабланку. Круппи не сомневался в том, что «все без исключения державы убедятся в полной искренности и лояльности французского правительства»², но на вопрос Извольского о сроке оккупации дал уклончивый ответ. Конечно, эти заявления были не чем иным, как обычной дипломатической ложью.

Французские войска продолжали оккупировать Фец и не собирались уходить оттуда.

Является вопрос, каким планом руководствовалась французская дипломатия, когда вопреки очевидным фактам продолжала утверждать, что Франция не желает нарушать постановлений Алжезирасской конференции?

Мы полагаем, что план французского правительства заключался в том, чтобы за спиной у государств, предварительно подписавших с Францией договор о разделе Марокко, договориться с Германией об определенных компенсациях и только после этого заявить о каких-либо новых обстоятельствах (вызвать их не представило бы особого труда), не дающих Франции возможности выполнить данное обязательство и прекратить оккупацию столицы Марокко. Такая предварительная договоренность с Германией обеспечила бы Франции более выгодное положение при последующем торге с Испанией о разделе территории Марокко. В том что именно таков был план французской дипломатии, убеждают нас следующие факты. 1) В те самые дни, когда Круппи убеждал представителя союзной с Францией державы в том, что Франция намерена не уничтожить, а укрепить суверенитет султана, когда в палате депутатов правительство заявляло о верности постановлениям Алжезираса, — в это самое время уже начались тайные переговоры с Германией о компенсациях за Марокко³. 20 июня состоялась беседа Камбона (посла в Берлине)

¹ Нота от 28 апр. 1911 г. «Die Grosse Politik», XXIX, стр. 89.

² См. донесение Извольского от 11/24 мая 1911 г. «Международ. отнош. в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, док. № 39.

³ Установим некоторые даты. — 6 июня н. ст. Извольский пишет о беседе с Круппи, который заявлял, что Франция отвергает опасные требования Испании, так как не желает встать на опасный путь раздела Марокко. (М. О. XVIII, № 86) 22/VI (!) Демидов, русский поверенный в делах, сообщает о заявлениях Круппи в палате депутатов — «Алжезирасский акт остается лозунгом французской политики в Марокко». (М. О. XXVIII, стр. 124). А между тем 11/VI Камбон уже повел беседы в Берлине о компенсациях. (G. P. XXIX, стр. 124), а 20/VI состоялось свидание Камбона с Кидерленом в Киссингене, на котором Камбон предложил компенсацию в Конго (G. P. XXIX, стр. 142).

с Кидерленом, во время которой по инициативе с французской стороны зашла речь о компенсациях для Германии во французском Конго. Кидерлен, следуя заранее принятому плану (о котором скажем позже), занял выжидательную позицию.

2) Марокканский конфликт 1911 г. начинался, как франко-испанский. Испания была встревожена быстрым продвижением французов к Фецу, а впоследствии его оккупацией. Здесь возникли опасения, что Франция не удовлетворится предоставленной ей по договору долей добычи, составляющей $\frac{5}{6}$ территории Марокко, а завладеет шерифской империей в целом. Поэтому испанское правительство приступило к захвату северной зоны Марокко вооруженной силой. Лараш, порт на Атлантическом океане, был взят испанскими войсками, испанцы воевали в Риффских горах, спешно продвигаясь к границе, намеченной договором 1904 г.¹ Действия испанцев вызвали негодование (!) в Париже. Английский посол в Мадриде принимал все меры, чтобы уладить конфликт между партнерами по разделу Марокко. Между Извольским и Нератовым (замещавшим больного Сазонова в управлении министерством иностранных дел) возникла переписка по вопросу о необходимости оказать «умеряющее» воздействие на Испанию. У Извольского возникли подозрения, что Испания действует по наущениям из Берлина, который пожелает использовать франко-испанскую распрю, чтобы предъявить свои притязания на участие в разделе Марокко².

Эти факты подтверждают высказанное нами мнение, что в первоначальный план Франции входило: после оккупации Фецца соблюдать фикцию соблюдения Алжезирасского пакта до того момента, пока не удастся договориться с Германией о компенсациях для нее (безусловно в не пределов Марокко), и только после этого, удовлетворив так или иначе наиболее опасного противника, снять срывало со своих действий и в выгодных условиях приступить к переговорам с Испанией и Англией о конкретных условиях раздела. Не надо забывать, что наиболее жадные к добыче колониальные круги Франции стремились к обладанию всем Марокко и впоследствии горько сетовали на уступки средиземноморского побережья. Действия Испании срывали французский план и потому вызывали негодование в желтой прессе и недовольство в кабинете.

Германская дипломатия в этом первом фазисе марокканского конфликта действовала по вполне определенному плану, намеченному Кидерленом-Вехтером и получившему одобрение канцлера и кайзера. В том, что Алжезирасский акт умер, что французы в Фецце останутся и что бесполезно против этого протестовать, — Кидерлен не сомневался. Он желал получить за это компенсацию и притом компенсацию такого масштаба, чтобы удовлетворить полностью притязания пангерманистов. Средством обеспечить получение крупной компенсации он считал посылку германского военного судна в порт южного Марокко — Могадор или Агадир³. Иметь в руках определенный залог, а потом разговаривать с французами — такова была

¹ М. О. XVIII, №№ 18, 86, 111, 117.

² Письмо Извольского от 28 апр./11 мая. Фр. - русск. отн., стр. 87—88.

³ Меморандум от 3 мая 1911 г. Г. Р., стр. 101—108.

идея Кидерлена. Поэтому во время переговоров, завязавшихся в июне до «прыжка Пантеры в Агадир», он занимал выжидательную позицию. Входило ли в план германского правительства намерение добиваться компенсации в Марокко, сделаться соучастником в его разделе? Этот вопрос возбудил много споров в литературе, посвященной Агадирскому кризису. В цитированном нами неоднократно программном меморандуме Кидерлена и в других документах, опубликованных в XXIX т. «Die Grosse Politik», нет категорических указаний на то, что именно южное Марокко с Агадиром составляло исключительную цель германских притязаний. Но во французских документах («Documents diplomatiques français») есть косвенные указания на то, что наиболее предпочтительной формой компенсации для Германии было именно получение доли в Марокко с портом на Атлантическом океане. Уже после подписания франко-германского договора 4 ноября 1911 г. в Германии происходили судебные процессы печати, привлекавшие усиленное внимание французских дипломатов. Из донесений Веркгейма (франц. поверен. в делах) и Ж. Камбона¹ нам известно, что во время процесса газеты «Post», ее главный редактор свидетельствовал на суде, «что г. фон Кидерлен заявил многим известным особам о своем желании получить западное Марокко и Могадор».

Несколько позже на другом процессе главный редактор «Рейнской и Вестфальской газеты» показывал, что в беседе с председателем пангерманской ассоциации Классом статс-секретарь говорил следующим образом: «Я стою за политику раздела Марокко. Требования пангерманцев совершенно обоснованы. Мы будем твердо держаться в Марокко. Положитесь на меня, вы будете довольны нашей германской политикой в Марокко. Я такой же пангерманец, как и вы».

После посылки «Пантеры» Кидерлен снова повторил Классу — «Мы сохраним Агадир и ничего не отдадим. Нам нужны колонии для населения. Остерегайтесь говорить в прессе о компенсациях. Мы не желаем компенсаций. Франция может быть пожелала бы нам уступить Конго, но мы желаем Марокко»². Трудно заподозрить правильность показаний, данных на публичном процессе, и невозможно предположить, что статс-секретарь по иностранным делам мог без достаточных оснований делать подобные заявления представителям прессы и председателю влиятельной организации. Поэтому надо полагать, что о «компенсациях» в Конго Германия заявила лишь тогда, когда ее первоначальное намерение потерпело крушение. Захват западного Марокко с портами, лежащими на побережье Атлантического океана, был важен не только сам по себе, но и в интересах дальнейшей вооруженной борьбы за переделы мира.

Русские дипломаты, в частности Извольский, даже в последующей стадии конфликта, когда Германия заявила притязания на французское Конго, полагали, что действительной целью оставалось южное Марокко (область Сус с горными разработками и с портом в Ага-

¹ «Doc. dipl. fr.», серия III, т. I, докум. № 423, 424, 425.

² Цитировано по донесению Ж. Камбона Пуанкаре от 20/1-1912 г. Doc. dipl. fr. серия III, т. I, № 495.

дире), и что Кидерлен требует Конго только для того, чтобы получить отказ и остаться в Марокко (М. О., т. XVIII, № 222, 324 и др.).

Свой смелый шаг — посылку военного судна в марокканский порт — германское правительство готовило в глубокой тайне. Даже посол союзной Австро-Венгрии, как показывают австрийские документы, не был извещен об этом. Шифрованной телеграммой было дано согласие кайзера. И первого июля 1911 г. германская канонерская лодка «Пантера», возвращавшаяся из Южной Африки, бросила якорь в закрытом марокканском порту — Агадире. Одновременно германские представители сообщили державам, что «Пантера» (впоследствии она была заменена легким крейсером «Берлин») послана в Агадир «для защиты жизни и имущества германских подданных в Южном Марокко и будет отозвана оттуда, когда наступит успокоение». Это заявление также не соответствовало действительности, как и французское заявление, предвещавшее занятие Фецца; оно копировало (вернее, пародировало) последнее; если французы имеют право занимать Фец для охраны там порядка, вопреки постановлениям Алжезираса, почему немцам нельзя занять Агадир?

Несомненно, неожиданное известие о «прыжке Пантеры» произвело сильное впечатление во всех дипломатических кругах Европы. Французские источники обычно называют его не иначе, как «*soupir de théâtre*» (театральный эффект) или «*soupir d'Agadir*». Нельзя преуменьшать значения посылки «Пантеры», как это делают некоторые историки, стремящиеся во что бы то ни стало оправдать действия империалистической Германии. Конечно «Пантера» была небольшим суденышком с экипажем в 125 человек и легкой артиллерией, но «Пантера» или «Берлин» символизировали собою всю мощь германского молодого флота и германской армии. Пребывание «Пантеры» в Агадире означало, что Германия придает своим требованиям во время переговоров о компенсации ультимативный характер, что она готова поддержать их в случае необходимости силой оружия.

В силу каких же обстоятельств германский империализм, в течение 1908—1911 гг. не рисковавший в такой резкой, ультимативной форме ставить перед Францией вопросы о Марокко, в 1911 г. пошел на шаг, обостривший отношения до степени общеевропейского конфликта, угрожавшего войной?

Объяснение этого следует искать во втором ряде причин, послуживших основой возникновения Агадирского кризиса — в общей международной ситуации, как она сложилась ко времени конфликта. Обостряя переговоры с Францией, с целью добиться соучастия в разделе Марокко (или в крайнем случае крупной компенсации в другой области), германское правительство рассчитывало на изоляцию Франции, вытекавшую, по его мнению, из двух факторов: а) улучшения русско-германских отношений после потсдамского свидания; б) роста пацифистических настроений в Англии. Рассмотрим, какие были основания у Германии на эти факторы рассчитывать.

а) Балканский кризис 1908—1909 г. оказал двойственное влияние на внешнюю политику России. Если, с одной стороны, он оставил глубокое раздражение против Австро-Венгрии и оказавшей ей поддержку Германии, то, с другой стороны, он наглядно показал, что России

не приходится рассчитывать на «бескорыстную» поддержку западных членов Антанты в защите важных интересов русского империализма на Балканах и особенно в зоне Проливов. Трудно было забыть, что попытка открыть Проливы для русского флота разбилась, наткнувшись на отрицательное отношение Англии и вежливое равнодушие в Париже. Во время Агадирского кризиса русские дипломаты не могли не вспомнить весьма сдержанную позицию Франции во время наиболее напряженной фазы австро-русско-сербского конфликта¹. В 1910—1911 гг. наступило значительное охлаждение со стороны обоих участников франко-русского союза. Русский поверенный в делах во Франции Неклюдов в донесениях Сазонову, посланных в конце 1910 г., дал подробное и интересное описание настроений французского правительства и французского буржуазного общества. Он констатировал в них, что, хотя франко-русский союз сохранил свое существование, но франко-русской дружбы больше нет². Это обстоятельство не могла не учитывать германская дипломатия.

Далее. Со времени ухода Извольского на пост посла в Париже при его преемнике Сазонове русско-германские отношения заметно улучшились. В ноябре 1910 г. состоялось, как известно, потсдамское свидание Николая с Вильгельмом, при котором присутствовали Бетман-Гольвег и Сазонов. Германская дипломатия ставила своей целью использовать свидание для того, чтобы заключить с русским правительством оформленный пакт, содержащий обоюдное обязательство «не принимать участия в какой-либо комбинации, которая может иметь агрессивные тенденции против одного из договаривающихся государств». От подписания такого обязательства Сазонов после приезда в Петербург уклонился, но он не отрицал того, что в устных переговорах обещания подобного рода были даны, и добавлял, что слова, сказанные кайзером и царем во время личного разговора, ценнее, чем обмен какими-либо дипломатическими нотами. На основании результатов потсдамского свидания Бетман-Гольвег, человек осторожный в своих словах, мог выступить в рейхстаге с речью, содержащей совершенно категорическое утверждение, что Россия и Германия обменялись обоюдными заверениями не участвовать в политических комбинациях, враждебных одной из сторон. В Потсдаме были начаты русско-германские переговоры относительно железных дорог в Персии. Ко времени возникновения Агадирского конфликта они близились к завершению к удовлетворению обеих сторон.

Таким образом, у германских политиков были достаточные основания рассчитывать на то, что Россия, даже оставаясь формально верной франко-русскому союзу, не будет активно выступать в защиту французских колониальных интересов и тем более постарается предотвратить общеевропейскую войну из-за некоторой доли Марок-

¹ В телегр. от 18/VIII 1911 г., посланной в кригический момент временного прерыва франко-германских переговоров, Извольский напоминал Нелидову телеграмму франц. правительства, зачитанную франц. послом Тушаром во время разгара боснийского кризиса, в которой французский мин. ин. дел предупреждал, что война из-за вопросов, не затрагивающих жизненных интересов России, не встретила бы сочувствия со стороны общественного мнения Франции». М. О. XVIII док. № 341 и примеч. 1-е.

² Фр.-русс. отн., стр. 17—18.

ко. Тем более, что неподготовленность русской армии, которая в 1911 г. проходила еще начальные стадии реорганизации после поражения 1904—1905 гг., была хорошо известна германскому штабу и им учитывалась.

Как мы увидим дальше, в общем германское правительство правильно расценило отношение России к Агадирскому конфликту.

б) В Германии в 1911 г. переоценивали удельный вес пацифистически настроенных кругов в английской политической жизни. Это была огромная ошибка, за которую пришлось поплатиться серьезными неудачами. На что рассчитывали Кидерлен-Вехтер, Бетман-Гольвег и, наконец, кайзер? На то, что Эдуарда VII, имевшего определенное личное влияние (при том, очевидно, слишком высоко оцениваемое кайзером), не было в живых.—На то, что либерал-империалисты, руководившие внешней политикой либерального кабинета (Асквит, Грей), были связаны в своих действиях наличием в самом кабинете многочисленной группы либералов-гладстонианцев, настроенных примирительно по отношению к Германии.—На то, что в парламенте либералы абсолютного большинства после выборов 1910 г. не имели (272 либерала и 272 консерватора) и могли держаться у власти только при поддержке ирландцев и лейбористов, а последние должны были, как-никак, считаться с настроениями рядовой рабочей массы членов тред-юнионов, не желавшей войны. Наконец, на то, что в английских финансовых сферах существовала немногочисленная, но влиятельная группа друзей Германии, сторонников экономического сотрудничества (сер Эрнест Кассель и другие). Расчеты оказались ложными; либерал-империалисты крепко держали в своих руках нити внешней политики; как известно, без ведома не только парламента, но и кабинета в целом, узким кругом лиц принимались самые ответственные решения, предreshавшие вопрос об участии Англии в войне против Германии на стороне Франции (англо-французские военные переговоры стали известны парламенту только в 1914 г., накануне войны; тайные статьи договора 1904 г. были разглашены только в 1911 г.). Английский парламентский строй уже стал в эпоху довоенного империализма фикцией. Но тот факт, что Германия рассчитывала в 1911 г. на сдержанное отношение Англии к защите французских притязаний в Марокко, подтверждается документально. Во время разгара Агадирского конфликта русский посол в Лондоне граф Бенкендорф, дипломат, неплохо разбиравшийся в тайных пружинах европейской политики, имел в Остенде «родственную» беседу с князем Гацфельдом, видным представителем германской правящей клики. «Он не скрыл от меня, — писал Бенкендорф Нератову, — что в Берлине сделали большую ошибку в оценке положения. Не упоминая о России, он сказал мне, что (там) ошиблись в оценке прочности англо-французских отношений; думали, что Англия останется равнодушной, что Франция изолирована, и что положение благоприятно, чтобы доказать Франции, что в обмен на значительные уступки, она должна установить определенные отношения с Германией»¹. Надо отметить, что в Германии не довольство-

¹ М. О. т. XVIII, док. № 323.

вались общей оценкой настроений в Англии, а предприняли накануне посылки «Пантеры» определенную разведку.

В мае 1911 г. (т. е. в то время, когда французы уже предприняли экспедицию в Фец) Вильгельм II побывал в Лондоне на открытии памятника королеве Виктории. Визит официально не носил политического характера, но разговоры о Марокко велись. Те сведения, которые мы имеем о результатах этих разговоров, противоречивы. Посол гр. Меттерних имел беседу с Э. Греем и получил от него ответ, что Англия вполне оправдывает экспедицию в Фец и при всех обстоятельствах останется верной соглашению с Францией¹. Иные впечатления вынес кайзер из беседы с Георгом V. Впоследствии он прямо заявлял шведскому королю, что получил личное согласие Георга V и его правительства на посылку военного судна в Агадир.

Было ли это действительно так? В словах Вильгельма II можно сомневаться, но что, действительно у него был разговор с Георгом V, в котором речь шла о посылке германского военного судна в марокканский порт, это, как показывают австро-венгерские документы, подтвердил сам английский король². Значит, если исключить совершенно невероятный факт, что английский конституционный король не поставил в известность кабинет о разговоре, имевшем важнейшее политическое значение, «прыжок Пантеры» вовсе не был такой неожиданностью для английского правительства, как оно потом постаралось изобразить. Острый конфликт между Германией и Францией вполне согласовался с политическими целями деятелей английского империализма, которые были обеспокоены намечавшимся в 1909—1910 гг. франко-германским сближением. В дальнейшем и ответственные представители правительства и руководящая пресса много сделали для того, чтобы его разжечь. Такого маневра английской дипломатии германские правители летом 1911 г. не предвидели; и это сыграло, наряду с оценкой позиции России, определенную роль в том обороте, который они придали переговорам с Францией посылкой канонерки в Агадир.

Изучение общей политической ситуации накануне возникновения Агадирского конфликта вполне подтверждает установленное в русской литературе положение, что цели Германии выходили за пределы тех или иных колониальных приобретений³. Помимо определен-

¹ М. О. т. XVIII, док. № 29; Г. Р. XXIX, стр. 119.

² В австро-венгерских документах имеется любопытное свидетельство австро-венгерского посла в Лондоне Менсдорфа о разговоре с Георгом V вскоре после агадирских событий. Приводим его полностью, так как оно проливает свет на историю подготовки прыжка «Пантеры». Менсдорф пишет: «Его величество рассказывал мне об этом происшествии следующее. Незадолго до отъезда кайзера из Лондона он заявил мне о своем желании поговорить со мной о Марокко и я ответил, что это мне очень интересно. После этого он, кайзер, сказал мне, что если французы останутся в Феце, то он непременно вступит в переговоры с французским правительством. Я с ним согласился. Я не хочу отрицать, что может быть он говорил что-нибудь о судне, хотя вспомнить этого я не могу. Если он действительно это говорил, то я подумал о Могadore; во всяком случае он не называл Агадир — закрытого порта — и я безусловно не выражал моего согласия или согласия моего правительства на какое-либо подобное действие». См. Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik т. III, стр. 367. Частное письмо Менсдорфа из Бальморала от 29 сент. 1911 г.

³ Тарле. «Европа в эпоху империализма», гл. IX.

ного приращения колониальных владений германская политика ставила перед собой задачу, наглядно продемонстрировав изолированность Франции, ослабить связи между членами Антанты. Поэтому, хотя непосредственным объектом германского выступления была Франция, но в конечном счете успех Германии, если бы он был реализован, усилил бы ее позиции в борьбе против главного противника — Англии. Поэтому центром Агадирского конфликта явилось столкновение английского и германского империализма.

Изложение всего хода длительного агадирского кризиса не входит в нашу задачу. Мы остановимся только на важнейших моментах его, с тем чтобы выснить отношение к событиям главных участников конфликта и в особенности России. В ходе Агадирского кризиса можно различать три фазиса. Первый — охватывает время от 1 июля (прибытие «Пантеры» в Агадир) до начала августа; этот фазис характеризуется как англо-германский дипломатический поединок; апогеем его была известная речь Ллойд-Джорджа, произнесенная 21 июля в Mansion House, заключавшая в себе военный вызов по адресу Германии; закончился он отступлением Германии, не отважившейся на войну против держав Антанты и отказавшейся от части своих притязаний. Этот фазис конфликта в наибольшей мере привлекал внимание историков. Второй фазис охватывает время с первых чисел августа по начало сентября. Его апогеем является перерыв в ходе переговоров (с 18 августа по 5 сентября), во время которого обе стороны подсчитали свои силы и в зависимости от этого определили линию поведения в дальнейших переговорах. В этом фазисе определяющую роль, по нашему мнению, сыграла позиция России, склонившей французское правительство к принятию компромиссных предложений. Опасность войны в этом фазисе конфликта была не меньше, чем в первом. Третий фазис — от второй декады сентября до заключения франко-германского договора о Конго и Марокко — 4/XI 1911 г. — это фазис дипломатического торга при заранее принятом обеими сторонами решении: дела до войны не доводить и найти такой компромисс, который, хотя бы в известной мере, удовлетворил шовинистически настроенные круги буржуазии. Это, собственно говоря, — стадия ликвидации конфликта.

А) 1/V II — в тот самый день, когда «Пантера» бросила якорь в Агадире — представители Германии в столицах европейских государств уведомили правительства держав, при которых они были аккредитованы, о том, что «во внимание к просьбам германских промышленников в южном Марокко Германия послала в Агадир военное судно для защиты их интересов. Судно будет отозвано, когда в Марокко наступит успокоение»¹. В Лондоне германский посол сделал дополнительные разъяснения. «По существу посол сказал, что так как сведения, вызвавшие выступления Франции и Испании, не подтверждаются, то действия этих двух держав делают этот акт призрачным; что германское судно уйдет, как только будут отозваны французские и испанские войска, что германское правительство го-

¹ G. P. XXIX, стр. 153; М. О. XVIII, док. № 145.

тово вступить в новые переговоры с Францией и Испанией, а также с императорским правительством по вопросу о Марокко; что оно признает затруднения, связанные с этими переговорами, но что германское правительство не считает их непреодолимыми»¹. Таким образом, в дополнительном сообщении германское правительство приоткрывало карты. Так как ясно было, что ни Франция, ни Испания уводить свои войска из Марокко не собираются, то, следовательно, военное судно должно было оставаться в Агадире до тех пор, пока переговоры с Францией и Испанией не приведут к желательному для Германии результату. Является ли целью этих переговоров получение части Марокко (на что указывало место, выбранное для стоянки военного судна) или другая компетенция за отказ от Алжезирасского акта, оставалось невыясненным.

Как было встречено германское извещение?

В Париже де Сельв, министр иностранных дел в только что (28/VI) сформированном кабинете Кайо, выразил крайнее удивление неожиданным поступкам Германии и отметил его несоответствие с духом соглашения 1909 г.² По словам Пуанкаре, первой мыслью де Сельва было ответить на действия Германии посылкой крейсера в Могадор, порт, находящийся в наибольшем отдалении от Агадира. Кабинет отклонил это опасное предложение³. Франция поспешила обратиться за поддержкой к России и к Англии. Судьба французского обращения в этих двух странах была диаметрально противоположной.

«По настоятельной просьбе французского посла» (Ж. Луи) Нелидов отправил телеграмму в Берлин с предписанием Остен-Сакену (послу в Берлине) запросить «в форме дружеского разговора» разъяснений по поводу того, насколько посылка «Пантеры» согласуется с предшествующими соглашениями по марокканским вопросам. Сам Нератов доносил царю, что его телеграмма в Берлин «облечена в возможно мягкую форму»⁴. В еще «более мягкую форму» облек свой запрос Остен-Сакен (несомненно считавший, что Германия в этом деле права и что России нет оснований чрезмерно поддерживать колониальные притязания французов). В результате русское «умеряющее воздействие» на Германию обратилось в довольно откровенную беседу между послом и Кидерленом. В этой беседе Кидерлен (5/VII) заявил, что возвращение к прежнему статусу в Марокко невозможно, что французам «алжезирасская куртка стала узка», что с Францией желательно и можно достигнуть соглашения, но предпосылкой соглашения является то, «чтобы Франция не проглотила сама марок-

¹ Телегр. Бенкендорфа из Лондона 3/VII. М. О. XVIII, № 155. Слова «императ. правительство» очевидно следует понимать «правительство Британской империи». Иначе смысл заявления посла английскому правительству непонятен. См. также № 173.

² М. О., XVIII, № 174. Действительно Германия по соглашению 1909 г. признала «специальные политические интересы Франции» в Марокко и обязалась им не противодействовать. Но ведь и Франция обязалась «поддерживать принципы независимости и неприкосновенности шерифской империи». Посылка «Пантеры» в Агадир не в большей мере нарушала договоры чем оккупация Марокко французами и испанскими войсками.

³ Пуанкаре «Le lendemain d'Agadir», стр. 15.

⁴ М. О., т. XVIII, № 158 докладная Нератова Н. П., № 160, телеграмма послу в Берлине.

нии, выразившееся в крайне приподнятом тоне всей буржуазной прессы. Кидерлен назвал ее «колоссальным и не честным блеффом». Мы склонны думать, что это определение в корне неверно. Это был не блефф, а действительно совершенно серьезное заявление, заключающее в себе прямую угрозу по адресу Германии и обязательство военной поддержки, важное для укрепления позиций той части французского кабинета, которая стояла на позициях решительного отпора германским требованиям. После 21/VII не могло возникнуть сомнений в том, что перед германским правительством была поставлена дилемма: или уступка от заявленных притязаний или война. Заняв непримиримую позицию, Англия достигала следующих результатов: 1) она обостряла до крайнего напряжения франко-германские отношения, что соответствовало ее политическим целям; 2) она укрепляла связи с Францией. В случае упорства со стороны Германии, руководители английской политики пошли бы, как мы полагаем, на войну с Германией в 1911 г. Превосходство английского флота над германским в 1911 г. было большим, чем в 1914 г., следовательно непосредственный риск для Англии меньшим. План десантных операций английской армии был уже разработан. Позиция России была, как мы видели, очень сдержанной, но не менее сдержанной была и позиция единственного союзника, на которого могла рассчитывать Германия — Австро-Венгрии¹. На совещании русского и французского ген. штабов 18/VIII ген. Дюбайль заявил: «Французский генеральный штаб имеет основание полагать, что при теперешних обстоятельствах (август 1911 г.), в случае, если Германия спровоцирует войну, ни Австрия ни Италия не последуют за ней немедленно»².

В июле 1911 г. Англия считала момент благоприятным для себя для того, чтобы пойти на развязывание общеевропейской войны. Германия же в 1911 г. вступить в вооруженную борьбу с соединенными силами Антанты не отважилась. Этим определялась для нее необходимость отступления. Отступая надо было однако соблюсти престиж великой державы и дать некоторое удовлетворение возбужденному

¹ Вопреки мнению, высказанному Пункаре в его мемуарах, мы полагаем, что французский посол в Вене Крозье (смененный впоследствии за свое австрофильство при Пуанкаре) не ошибался в оценке позиции, занятой австро-венгерским министерством иностранных дел в отношении к марокканским конфликтам. Оставаясь верным точному смыслу обязательств, возложенных на него договором о тройственном союзе, австро-венгерское правительство вовсе не склонно было их расширительно толковать и любой ценой поддерживать германские претензии в Марокко. Известную роль при этом в 1911 г. играло раздражение, вызванное в Австро-Венгрии потсдамскими переговорами. В частном письме послу в Берлине Эренталь писал следующим образом: «Вместе с секретным сообщением Чиршки о мотивах и ближайших целях Германии (ревизия Алжезирасского договора путем переговоров с Францией и Испанией) к нам был обращен призыв поддержать немецкие действия. Я отнесся к нему довольно сдержанно и ограничился, как тебе известно, замечанием: мы должны знать конкретные предложения Германии раньше, чем занять по отношению к ним определенное положение. Наше сдержанное отношение частично определяется потсдамскими переговорами. Решающее слово было произнесено тогда, когда Бетман-Гольвег заверял Сазонова, что Германия никогда не давала обязательств поддерживать планы австро-венгерской экспансии на Балканах. Oesterreich Ungarns A. P.», т. III, док. № 2554.

² М. О., XVIII, док. № 372.

до последних пределов после речи Ллойд-Джорджа «общественному мнению». Еще 25 июля германский посол в Лондоне по поручению правительства в самой категорической форме протестовал против речи Ллойд-Джорджа. На запрос Эд. Грея он отказался дать какие-либо заверения в том, что германские моряки не произведут высадки в Агадире. Разговор принял острый характер. Напряженность мировой обстановки, казалось, все возрастала. 26 июля в «Times» появилось сообщение, что предполагавшееся отправление атлантического флота в норвежские воды внезапно отменено и флоту предписано итти в Портсмут. Но уже 27 июля наступил перелом. Хорошо освещенный Дешнер так рассказывает о событиях этого дня. 27 июля предстояло обсуждение бюджета ведомства иностранных дел в палате общин; ожидали важных разъяснений Эд. Грея по марокканским делам. Перед самым заседанием к Эд. Грейю явился советник германского посольства Кюльман. Он просил предоставить экстренное свидание гр. Метерниху в два часа дня. Эд. Грей ответил, что в два часа — слишком поздно, так как на это время назначено заседание парламента. Тогда Кюльман, за отсутствием посла, сам сделал сообщение от имени германского правительства. «Он не заявил, что Германия воздержится от всякой высадки в Агадире, но он высказался в самом примирительном тоне, он выразил сожаление по поводу нескромности печати, он утверждал, что императорское правительство искренне желает притти к соглашению с Францией и рассчитывает при этом на добрые услуги Англии. Инцидент был исчерпан»¹.

В речи, произнесенной в палате общин в этот день после объяснений Кюльмана, Асквит заявил, что франко-германские переговоры могут закончиться без ущерба для британских интересов. Английское правительство не станет вмешиваться в территориальное соглашение между Германией и Францией, если последнее не будет касаться Марокко. Таким образом 27 июля стало днем некоторого разрядки англо-германского конфликта. Это обстоятельство, однако, не сразу отразилось на ходе переговоров между Камбоном и Кидерленом. Во время свидания 28 июля Кидерлен продолжал настаивать на уступке Конго от реки Санга до моря, предлагая в обмен германскую колонию Того. Французское правительство сочло необходимым снова обратиться через своего посла в Петербурге и через Извольского к русской поддержке². Остен-Сакену было снова дано предписание указать, «в самом дружественном тоне», что русское правительство, озабочено затянувшимся ходом переговоров, создающим тревожное положение для обеих держав, опасное, может быть, для мира в Европе»³. Однако, раньше чем Остен-Сакен успел переговорить, состоялось новое совещание (1/VIII) Камбона и Кидерлена, во время которого германский статс-секретарь значительно уменьшил свои требования. Германия готова была удовлетвориться частью Конго и в обмен на это признать в Марокко права Франции, «в самом широ-

¹ Вышеупомят. донес. Дешнера D. Fr., серия III, т. I, док. стр. 142. См. также М. О., т. XVIII, с. I № 259. Грей заявил русскому послу, «что он был крайне поражен переменой тона в германском демарше».

² М. О., т. XVIII, № № 271, 272.

³ М. О., т. XVIII, № 268.

ком смысле», граничащем с провозглашением французского протектората. Де Сельв был удовлетворен и благодарил русское правительство «за предпринятые шаги в Берлине» (которые, в действительности, предприняты к этому времени не были)¹.

Так закончился первый фазис конфликта.

Анализируя июльские события, мы приходим к выводу, что в англо-германском поединке, закончившемся отступлением Германии перед перспективой европейской войны, вопрос о Марокко играл в 1911 г. как и в 1905 г. второстепенную роль. Экономические интересы Англии в Марокко пострадали бы от соучастия Германии в его разделе не в большей мере, чем от утверждения французского протектората.

Свободе экономической деятельности в Марокко, которую отстаивала Англия, раздел шерифской империи между тремя государствами угрожал бы не в большей мере, чем раздел ее между Францией и Испанией. Серьезнее был вопрос стратегический.

Одно из распространенных в литературе о марокканских конфликтах мнений заключается в том, что занятие Агадира германцами угрожало английским интересам, так как Германия приобретала военную базу на Атлантическом океане в недалеком расстоянии от Гибралтара. Эту мысль в особенности подчеркивает Черчилль (The World-Crisis, т. I, стр. 44). Однако, учитывая всю важность для Англии сохранения под контролем своего флота основных коммуникационных путей, связывающих Британскую империю, мы не должны забывать, что Агадир находится на крайнем юго-западе Марокко на расстоянии около 400 миль от Гибралтара. Следовательно и стратегическая опасность от его оккупации была по меньшей мере преувеличена. В таком случае, какие же «жизненные интересы» Великобритании были задеты посылкой «Пантеры» в Агадир? Выступление Германии ставило под угрозу англо-французский договор 1904 г., составлявший краеугольный камень Антанты, а следовательно, прочность Антанты. Больше всего английские дипломаты боялись не войны между Германией и Францией (такая война была бы им только на руку), а того, что Франция и Германия договорятся между собой без участия Англии; и больше всего именно к этому, как показывают приведенные нами выше заявления Кидерлена-Вехтера, стремилась германская дипломатия. Надо сказать, что, неверно оценив международную обстановку и силу сопротивления самой Франции, она выбрала для этого в 1911 г., как и в 1905 г., неверный путь застраживания. Англия, преследуя в действительности основные цели своей политики, могла в 1911 г. выступить в роли защитницы Франции, раздуть пламя франко-германских противоречий, содействовать победе во Франции националистических элементов и тем содействовать укреплению Антанты.

Июль 1911 г. был серьезным поражением Германии в дипломатической подготовке империалистической войны 1914—1918 гг.

V

Во втором фазисе Агадирского конфликта переговоры между Францией и Германией приняли характер длительного торга. Сооб-

¹ М. О. т. XVIII, № 282.

ражения внутренней политики делали этот торг особенно упорным и тягостным. В Германии известие о посылке «Пантеры» в Агадир вызвало в националистических кругах взрыв восторга. «Местная печать, — писал в донесении от 5 июля русский посол, — не скупится хвалебными отзывами по адресу г. Кидерлена, напомнившего, по ее словам, своей решительностью времена Бисмарка».¹ После речи Ллойд-Джорджа, раздуваемое пангерманистскими газетами шовинистическое возбуждение достигло апогея. Но уже в августе, когда выяснилось, что германская дипломатия вынуждена к отступлению, в газетах стали появляться резкие отзывы о деятельности правительства. Орган пангерманистов (Post) высказал предположение, что виновником отступлений является кайзер, проявивший уступчивость и заставивший Кидерлена отказаться от первоначального плана². Таким образом, «прыжок Пантеры», задуманный, между прочим, как средство поднять престиж правительства в глазах пангерманистов и добиться благоприятных условий для предвыборной кампании, приводил к падению авторитета кайзера и имперских властей. В таких условиях, когда недовольство стало проникать даже в правительственные и военные круги³, необходимо было добиться от Франции более или менее основательных «компенсаций», способных примирить воинствующих националистов с отказом от Марокко. Кидерлен, личная карьера которого тоже была поставлена на карту, торговался со страшным упорством, затягивая переговоры, пытаясь сыграть на противоречиях внутри французского правительства.

Во Франции в 1911 г. отношения в кабинете во многом напоминали 1905 г. Веще большей мере, чем Рувье в 1905 г., председатель совета министров, финансист Кайо, был сторонником мирного разрешения конфликта. Он готов был пойти на значительные уступки для того, чтобы достигнуть полубовного соглашения с Германией. Энергичное давление со стороны английского посла, склонявшего кабинет к непримиримой линии, раздражало его; между Кайо и английским послом произошло несколько довольно острых размолвок⁴. Кайо сделал несколько попыток вступить в переговоры с Германией, минуя официальные пути, через посредство некоего Фондера. Но переписка германского посольства в Париже находилась под контролем; депеши, извещавшие о закулисных переговорах Кайо, были расшифрованы и получили широкое распространение в парламентских кругах (впос-

¹ М. О., XVIII, № 171.

² М. О., XVIII, № 395.

³ Немедленно после заключения договора 4 ноября 1911 г. с Францией министр колоний Линдеквист в знак протеста ушел в отставку. Кронпринц при обсуждении договора в рейхстаге демонстративно аплодировал критиковавшим деятельность правительства ораторам. В военных кругах по сообщению французского военного агента полк. Пелле были проявления недовольства.

⁴ О линии Кайо см. его написанную после войны книгу, носящую характер апологии его деятельности. Caillaux. «Agadir Ma politique exterieure». Об инцидентах между Кайо и сэром Френсисом Берти рассказывает Пуанкаре — т. I., стр. 149. Кайо однажды заявил «В конце концов союзы и дружественные отношения являются вещами, которые можно изменить».

ледствии в январе 1912 г. разоблачения в сенатской комиссии привели к падению кабинета Кайо)¹.

Кайо являлся представителем тех групп финансового капитала, которые были заинтересованы в развитии экономического сотрудничества с Германией. Ленин в тетради «Брейлсфорд» сделал обширные выписки из книги Брейлсфорда «Война стали и золота», характеризующие политику Кайо во время Агадирского конфликта. Брейлсфорд пишет: «Мы знаем из последующих расследований сенатской комиссии, чем кончились бы эти переговоры, если бы г. Кайо остался у власти. Он не только согласовал бы французские и германские колониальные интересы, но и осуществил бы общее соглашение, охватывающее всю совокупность франко-германских отношений. Все пункты, по которым он начал переговоры, носили экономический характер, и главным из них было предложение положить конец бойкоту Багдадской железной дороги со стороны французских финансовых кругов и допустить германские ценные бумаги к котировке на французской бирже»².

На другом полюсе политика скорейшей мирной ликвидации конфликта, вызванного империалистической борьбой за Марокко, имела горячего сторонника в лице Жореса, резко осуждавшего в статьях в «Humanité» и в парламентских выступлениях марокканскую авантюру.

Но в 1911 г. настроение огромного большинства французской буржуазии было иным, чем в 1905 г.

Все иностранные наблюдатели отмечают громадный рост воинствующего национализма, вызванный Агадирским кризисом³.

Во Франции начинался тот «*reveil national*» («национальное пробуждение») ⁴, который в январе 1912 г. вынес на своем гребне на авансцену мировой политики боевой кабинет Пуанкаре, представителя непримиримо настроенных к Германии кругов французской тяжелой промышленности. Все провинциальные советы летом 1911 г. высказались за твердую позицию в споре с Германией. В таких условиях де Сельв и Ж. Камбон в переговорах с Берлином имели возможность, игнорируя линию премьера, проявить большое упорство и желание максимально ограничить размеры предоставляемых Германии ком-

¹ О деятельности Кайо и об истории его закулисных переговоров см. Пуанкаре т. I, гл. I. Депеши о переговорах с Кайо приведены в «Г.Р.» т. XXIX №№ 10 676 и 10775. Подробное сообщение о падении Кайо дает Извольский в письме от 16 (3) января 1912 г. М. О. т. XIX, № 351. Извольский враждебно относится к направлению деятельности Кайо, но признает его заслуги в мирном разрешении Агадирского конфликта.

² Ленин. Тетради по империализму. 1939 г., стр. 577.

³ Извольский писал 30(17) августа Нератову: «Из предыдущих моих писем всем уже известны мои наблюдения над прояснен; я ли французского общественного мнения; нынешнее его настроение резко отличается от того, которое господствовало семь лет тому назад при первых недоразумениях с Германией по поводу Марокко. Насколько тогда здесь панически боялись войны, настолько теперь к возможности вооруженного столкновения относятся со спокойствием и серьезной решимостью» и далее М. О., XVIII, № 371.

⁴ Термин принятый не только французскими, но и немецкими историками; напр. редакторами Г. Р.

пенсаций. Они с нетерпением и нервностью относились ко всякой проволочке в переговорах, спеша их закончить до открытия сессии палат, вотума которых они опасались.

Переговоры, казалось, вставшие на твердую почву с того времени, когда Германия отказалась от притязаний на Марокко и согласилась удовлетвориться только частью французского Конго, приобретаемого притом (для сохранения внешней формы) в обмен на какую-либо долю германских колоний в Африке, к середине августа снова зашли в тупик.

Внимательно следивший за их ходом Эд. Грей, первый (очевидно, не без тайного удовольствия) констатировал это. 15 августа он имел многозначительную беседу с русским послом. Он заявил: «Я не вполне доволен берлинскими переговорами. Они затягиваются, и эта странная задержка мне не нравится». В дальнейшем разговоре Эд. Грей поставил с полной категоричностью вопрос: «что сделает Россия в случае осложнений?» и нарисовал картину общеевропейской войны. «В случае войны между Германией и Францией Англия никак не сможет остаться в стороне. Если эта война повлечет за собой войну с Россией, она вызовет также и выступление Австрии, которая не имеет ни малейшего желания вмешиваться, но которая будет вынуждена к этому обстоятельствами. Нет никаких сомнений, что в таком случае положение в Албании обострится. Это — не борьба между Францией и Германией, это — всеобщая война»¹. Сопоставляя этот разговор Эд. Грея с общей линией поведения Англии в 1911 г., мы полагаем, что его целью было: 1) прощупать позицию России; 2) упоминанием об эвентуальном вступлении в войну Австро-Венгрии и об осложнениях на Балканском полуострове намекнуть России, что в войне возникшей «по западному варианту» — из-за Марокко, смогут найти удовлетворения притязания русского империализма на Балканах. Англия, державшая свой флот в боевой готовности в продолжении всего лета и осени 1911 г. до завершения франко-германских переговоров, энергично поддерживавшая твердое сопротивление Франции, стремилась выяснить боевую готовность третьего члена Антанты. Очень сдержанные ответы Бенкендорфа (франко-русский договор сохраняет полную силу, но «война была бы ужасным несчастьем для России») заставили Эд. Грея быть очень осторожным в своих высказываниях.

Через три дня после этого, 17 августа, наступил снова критический момент в переговорах. Кидерлен прервал переговоры на десять дней для доклада императору и, как он заявил, для отдыха. Он подтвердил, что Германия готова предоставить Франции в Марокко полную свободу вплоть до утверждения там французского протектората, но решительно отверг предложенные ему Камбоном компенсации. В заключение он бросил Камбону опасную фразу — «вернитесь в Берлин к 28, и тогда мы решим с вами, война или мир»².

Время перерыва в переговорах было временем, когда Франция самым серьезным образом проверила свою военную и дипломати-

¹ М. О., т. XVIII, № 321.

² М. О., т. XVIII, № 340.

ледствии в январе 1912 г. разоблачения в сенатской комиссии привели к падению кабинета Кайо)¹.

Кайо являлся представителем тех групп финансового капитала, которые были заинтересованы в развитии экономического сотрудничества с Германией. Ленин в тетради «Брейлсфорд» сделал обширные выписки из книги Брейлсфорда «Война стали и золота», характеризующие политику Кайо во время Агадирского конфликта. Брейлсфорд пишет: «Мы знаем из последующих расследований сенатской комиссии, чем кончились бы эти переговоры, если бы г. Кайо остался у власти. Он не только согласовал бы французские и германские колониальные интересы, но и осуществил бы общее соглашение, охватывающее всю совокупность франко-германских отношений. Все пункты, по которым он начал переговоры, носили экономический характер, и главным из них было предложение положить конец бойкоту Багдадской железной дороги со стороны французских финансовых кругов и допустить германские ценные бумаги к котировке на французской бирже»².

На другом полюсе политика скорейшей мирной ликвидации конфликта, вызванного империалистической борьбой за Марокко, имела горячего сторонника в лице Жореса, резко осуждавшего в статьях в «Humanité» и в парламентских выступлениях марокканскую авантюру.

Но в 1911 г. настроение огромного большинства французской буржуазии было иным, чем в 1905 г.

Все иностранные наблюдатели отмечают громадный рост воинствующего национализма, вызванный Агадирским кризисом³.

Во Франции начинался тот «*reveil national*» («национальное пробуждение»)⁴, который в январе 1912 г. вынес на своем гребне на авансцену мировой политики боевой кабинет Пуанкаре, представителя непримиримо настроенных к Германии кругов французской тяжелой промышленности. Все провинциальные советы летом 1911 г. высказались за твердую позицию в споре с Германией. В таких условиях де Сельв и Ж. Камбон в переговорах с Берлином имели возможность, игнорируя линию премьера, проявить большое упорство и желание максимально ограничить размеры предоставляемых Германии ком-

¹ О деятельности Кайо и об истории его закулисных переговоров см. Пуанкаре т. I, гл. I. Депеши о переговорах с Кайо приведены в «С.Р.» т. XXIX №№ 10 676 и 10775. Подробное сообщение о падении Кайо дает Извольский в письме от 16 (3) января 1912 г. М. О. т. XIX, № 351. Извольский враждебно относится к направлению деятельности Кайо, но признает его заслуги в мирном разрешении Агадирского конфликта.

² Ленин. Тетради по империализму. 1939 г., стр. 577.

³ Извольский писал 30(17) августа Нератову: «Из предыдущих моих писем всем уже известны мои наблюдения над проявлен: я ли французского общественного мнения; нынешнее его настроение резко отличается от того, которое господствовало семь лет тому назад при первых недоразумениях с Германией по поводу Марокко. Насколько тогда здесь панически боялись войны, настолько теперь к возможности вооруженного столкновения относятся со спокойствием и серьезной решимостью» и далее М. О., XVIII, № 371.

⁴ Термин принятый не только французскими, но и немецкими историками; напр. редакторами Г. Р.

пенсаций. Они с нетерпением и нервностью относились ко всякой проволочке в переговорах, спеша их закончить до открытия сессии палат, вотума которых они опасались.

Переговоры, казалось, вставшие на твердую почву с того времени, когда Германия отказалась от притязаний на Марокко и согласилась удовольствоваться только частью французского Конго, приобретаемого притом (для сохранения внешней формы) в обмен на какую-либо долю германских колоний в Африке, к середине августа снова зашли в тупик.

Внимательно следивший за их ходом Эд. Грей, первый (очевидно, не без тайного удовольствия) констатировал это. 15 августа он имел многозначительную беседу с русским послом. Он заявил: «Я не вполне доволен берлинскими переговорами. Они затягиваются, и эта странная задержка мне не нравится». В дальнейшем разговоре Эд. Грей поставил с полной категоричностью вопрос: «что сделает Россия в случае осложнений?» и нарисовал картину общеевропейской войны. «В случае войны между Германией и Францией Англия никак не сможет остаться в стороне. Если эта война повлечет за собой войну с Россией, она вызовет также и выступление Австрии, которая не имеет ни малейшего желания вмешиваться, но которая будет вынуждена к этому обстоятельствами. Нет никаких сомнений, что в таком случае положение в Албании обострится. Это — не борьба между Францией и Германией, это — всеобщая война»¹. Сопоставляя этот разговор Эд. Грея с общей линией поведения Англии в 1911 г., мы полагаем, что его целью было: 1) прощупать позицию России; 2) упоминанием об эвентуальном вступлении в войну Австро-Венгрии и об осложнениях на Балканском полуострове намекнуть России, что в войне возникшей «по западному варианту» — из-за Марокко, смогут найти удовлетворения притязания русского империализма на Балканах. Англия, державшая свой флот в боевой готовности в продолжении всего лета и осени 1911 г. до завершения франко-германских переговоров, энергично поддерживавшая твердое сопротивление Франции, стремилась выяснить боевую готовность третьего члена Антанты. Очень сдержанные ответы Бенкендорфа (франко-русский договор сохраняет полную силу, но «война была бы ужасным несчастьем для России») заставили Эд. Грея быть очень осторожным в своих высказываниях.

Через три дня после этого, 17 августа, наступил снова критический момент в переговорах. Кидерлен прервал переговоры на десять дней для доклада императору и, как он заявил, для отдыха. Он подтвердил, что Германия готова предоставить Франции в Марокко полную свободу вплоть до утверждения там французского протектората, но решительно отверг предложенные ему Камбоном компенсации. В заключение он бросил Камбону опасную фразу — «вернитесь в Берлин к 28, и тогда мы решим с вами, война или мир»².

Время перерыва в переговорах было временем, когда Франция самым серьезным образом проверила свою военную и дипломати-

¹ М. О., т. XVIII, № 321.

² М. О., т. XVIII, № 340.

ческую подготовку к войне. Одним из важнейших вопросов являлось совершенно точное определение позиции России. От готовности царского правительства со всей решительностью выступить не только на почве дипломатических состязаний, но и на поле брани в защиту французских интересов зависела линия поведения французского правительства после возобновления переговоров.

России было суждено сыграть определяющую роль во втором фазисе Агадирского конфликта.

Пуанкаре сознательно искажает хорошо известные ему факты, когда пишет в своих мемуарах — «Во время кризиса 1911 г. Россия оказала нам лояльную поддержку, но ее посол в Париже рисковал своей личной и сложной игрой причинить нам большие огорчения»¹.

В действительности дело заключалось не в личной политике Извольского, желавшего, по словам Пуанкаре, отплатить за свое дипломатическое поражение в 1908 г. И Извольский в Париже, и Нератов в Петербурге, и близкие к правительству газеты («Новое время»), и царь держались одной линии в отношении к марокканскому конфликту: русское правительство не было расположено в 1911 г. вступать в войну из-за французских интересов в Марокко и только в крайнем случае, весьма неохотно пошло бы на выполнение союзных обязательств; оно не желало компрометировать наладившиеся в 1910 г. отношения с Германией и настойчиво склоняло Францию к компромиссному разрешению конфликта. Доказательством этому являются буквально все документы, относящиеся к марокканскому конфликту, опубликованные в XVIII т. 2-й серии «Международных отношений».

18 августа, на другой день после перерыва франко-германских переговоров, был опубликован текст русско-германского соглашения по персидским делам. Не без затраты труда (и очевидно, денег, которые он усиленно испрашивал на этот предмет в министерстве) Извольский добился того, что появление договора (включавшего в себя между прочим принципиальный отказ от противодействия со стороны России постройке Багдадской ж. д.) не вызвало нежелательных для франко-русского союза комментариев в парижской прессе.

20 августа в беседе с Кайо Извольский заявил: «... на вопрос Кайо об эвентуальной роли России я сказал ему, что ему, конечно, хорошо известна сущность лежащих на нас обязательств, а именно чисто оборонительный характер русско-французской военной конвенции, в силу которой Россия должна выступить на помощь Франции в случае нападения на нее со стороны Германии. К этому необходимо присовокупить, что русское общественное мнение не может отнестись к настоящему конфликту иначе как к колониальному спору. По этому поводу полезно вспомнить, по аналогии, обстоятельства 1908 г., когда не только в здешней печати, но также в официальных сообщениях высказывались, что во Франции не поймут, что война может вспыхнуть не из-за насущных интересов России, а из-за сербских интересов». На этом письме Извольского имеется пометка Николая II. По-

¹ Пуанкаре, т. I, стр. 294.

следний абзац, начиная со слов: «К этому необходимо...» отчеркнут карандашом и на полях написано «Да»¹. Извольский отнесся с большой осторожностью к предложению Кайо, заключающемуся в том, чтобы Россия выступила посредником, а выдвинул, вместо этого в качестве посредника... Австро-Венгрию, германского союзника!

Чем больше приближалось время возобновления переговоров, тем больше росло возбуждение во Франции. В Париже было созвано совещание, в котором помимо членов кабинета участвовали виднейшие французские дипломаты — братья Камбоны Поль и Жюль, послы в Лондоне и Берлине, и Баррер из Рима. В официальной военной газете «La France Militaire» появилась статья, инспирированный автор которой предлагал «не делать перерыва переговоров, а прекратить переговоры и обратиться к другому методу разрешения конфликта»².

24 августа французский посол в Петербурге Ж. Луи посетил министерство иностранных дел и, сообщив о результатах совещания в Париже, заявил, что в случае, если Германия останется в Агадире, то Франция ответит на это высадкой десанта в южном Марокко. «Заканчивая свою беседу, г. Ж. Луи высказал от имени своего правительства надежду, что императорское правительство не откажет Франции не только в своем дипломатическом содействии, но в случае нужды и в военной помощи»³.

29 августа для обсуждения вопроса о позиции России в марокканском конфликте было созвано совещание у Николая II. Протокол его не опубликован в русских документах, но о результате можно судить по отправленной 30 августа телеграфной инструкции Извольскому. Важнейшее место в этой инструкции гласит: «Для французского правительства не должно быть сомнений в том, что военное столкновение из-за колониального вопроса не может вызвать у нас симпатичного Франции подъема настроения. С другой стороны французскому правительству не может быть неизвестно, что предпринятые сравнительно недавно преобразования в нашем военном деле не могли быть еще доведены до конца. Следовательно, в техническом отношении и с точки зрения нашей военной готовности настоящий момент не может быть признан благоприятным для военных действий».

Исходя из этого, русское правительство — 1) рекомендовало Франции направить старания «к улажению конфликта в миролюбивом смысле»;

2) отклоняло мысль о принятии военных мер в виде мобилизации русской армии;

3) обещало дипломатическую поддержку, но отклоняло опасную роль посредника, усиленно выдвигая в качестве последнего австро-венгерского императора Франца-Иосифа (очевидно, неприемлемую для Франции кандидатуру).

Французское правительство, обеспокоенное позицией России, представители которой упорно рекомендовали при возобновлении переговоров проявить известную уступчивость и найти компромиссные ре-

¹ М. О. т. XVIII ч. 1 № 350 стр. 359 Интересно отметить, что в изд. «Фр.-русс. отн.» это важное письмо выпущено.

² М. О. т., XVIII, стр. 365, и примеч.

³ М. О., т. XVIII, № 359.

шения, решило прибегнуть к последнему средству и настояло на личной аудиенции Жоржа Луи у Николая II. Аудиенция, в силу различного рода промедлений, состоялась только 7 сентября. Во время аудиенции Ж. Луи в сдержанной, но весьма настойчивой форме «просил» о подтверждении обязательства оказать Франции военную помощь в случае столкновения с Германией. Ж. Луи ссылаясь на «царское слово» Александра III. «Когда я прибавил, — пишет Ж. Луи, — что мы просим только о том, что обещал император, его отец и он сам, его величество мне тотчас же ответил: это — несомненно, это разумеется само собой (*«cela certainement et cela va même sans le dire»*). Император считает возможной войну только из-за совершенно жизненных интересов¹». Ж. Луи приходилось доказывать царю, что вопросы о Марокко являются жизненными для Франции.

После этого сомнений быть не могло: русский колосс упорно не хотел приходить в движение; война из-за Марокко в таких условиях становилась опасной для Франции.

В силу этого после возобновления переговоров, со второй недели сентября, конфликт вступил в третью стадию — стадию ликвидации. И во время этого последнего фазиса конфликта русская дипломатия неоднократно сглаживала острые углы в борьбе французских и немецких проектов и контрпроектов². Германия была вынуждена сократить свои требования и удовольствоваться относительно «скромными» компенсациями во французском Конго, облеченными при том в приемлемую для престижа Франции форму, а именно в форму взаимного обмена некоторыми колониальными территориями в Африке. (Германия уступала так называемый «Утиный клюв» в Того). На такой основе состоялось компромиссное соглашение 4 ноября. Оно состояло из двух взаимно дополняющих одна другую конвенций — о Марокко и об Экваториальной Африке³.

В первой из них Германия, оговорив сохранение свободы экономической деятельности в Марокко, отказывалась от какого-либо вмешательства в действия французского правительства в шерифской империи. В первом параграфе конвенции о Марокко говорилось: «В случае, если Франции понадобится уточнить и расширить свой контроль и свое покровительство, Германское императорское правительство признает за Францией полную свободу действий, и, при условии сохранения экономической свободы, установленной предшествующими договорами, не станет чинить ей никаких препятствий».

По второй конвенции Франция уступала Германии значительную часть французского Конго, приобретая взамен небольшую территорию к северу от французских владений у озера Чад.

Таким образом, устранено было труднейшее препятствие на пути к осуществлению давно поставленной цели французской колониальной

¹ Цитирую по Пуанкаре, т. I, стр. 290—300.

² В донесении от 1/14 сент. 1911 г. Извольский пишет Нератову: «Здесь, как Вы увидите из моих донесений, положение продолжает оставаться очень тревожным и натянутым. Я прошел с де Сельвом все статьи германского контр-проекта и по многим пунктам добился от него либо принятия либо примирительного контр-предложения». Фр. русск. отн. стр. 113.

³ Приведены полностью в изд. «D.fr», серия III, т. I, док. № 19.

политики. Оставалось получить признание заключенного договора со стороны держав, подписавших Алжезирасскую конференцию. Это согласие было после более или менее длительных переговоров получено при содействии со стороны Англии и Германии.¹ Более трудной задачей было договориться с Испанией о формах и географических границах раздела Марокко. Понадобились долгие переговоры и неоднократное вмешательство Англии, чтобы прийти к соглашению, которое было подписано только в ноябре 1912 г.

Еще до завершения раздела с Испанией и установления статута Танжера, который оставался интернациональной зоной, Франция договором с султаном, подписанным в Феце 33 марта 1912 г., установила свой протекторат в Марокко. Новые восстания марокканского народа были ответом на это. Они были подавлены железной рукой опытного колонизатора генер. Лиотея.

Франция продолжала выполнять (подобно тому, как это делала Германия, истреблявшая в своих колониях восставших гереро, подобно тому, как это делала Англия, угнетавшая многомиллионные народы Индии, подобно всем империалистическим державам) свою «цивилизаторскую» миссию в Африке.

Чем объяснить, что летом 1911 года нависшая над миром угроза империалистической войны была отведена, что наступление мировой войны было оттянуто на три года?

Причины мирного исхода Агадирского конфликта заключаются, по нашему мнению, в двух важнейших обстоятельствах. С одной стороны, Германия в 1911 г., предпринимая посылку «Пантеры» в Агадир, не рассчитывала столкнуться с объединенным англо-французским фронтом: воинствующая позиция Англии вскрылась в 1911 г. раньше чем в 1914 г., — вскрылась тогда, когда германский империализм еще имел возможность отступить перед перспективой европейской войны; и он пошел на это, так как (это видно из протоколов совещания 1909 г.) расценивал неблагоприятно свои шансы в войне против Антанты. В этом сущность первого фазиса марокканского конфликта. С другой стороны, Франция не сочла возможным во втором фазисе конфликта пойти на разрыв переговоров, так как не была до конца уверена в военной поддержке со стороны России.

В 1911 г. царское правительство желало мирного исхода возникшего конфликта. Причины этого заключались, конечно, не в «миролюбии» русского царизма, а : 1) в отсутствии прямой заинтересованности

¹ Дело при этом не обошлось без осложнений. Так Австро-Венгрия попыталась получить взамен согласие французского правительства на выпуск крупного займа на французской бирже. Пожелание Австро-Венгрии, поддержанное французским послом Крозье, было отклонено и сам Крозье был сменен новым министром иностранных дел и премьером Пуанкаре. Россия возбудила вопрос о проливах. Одновременно Извольским в Париже и Чарыковым в Константинополе был возбужден вопрос об открытии проливов для черноморского флота. Попытка была неудачна и действия Чарыкова были дезавуированы Сазоновым. Мы не останавливаемся на этих следствиях Агадирского конфликта, так как они не имеют прямого отношения к основной теме. Подробный материал см. у Пуанкаре, т. I, во французских документах, серия III, т. I и II, в «М. О.», т. XVIII * XIX₁ и XIX₂.

России в марокканских делах; 2) в некотором временном ослаблении противоречий с Германией в результате потсдамских переговоров; 3) самое главное, в неудовлетворительном состоянии военной подготовки. 18—31 августа 1911 г. происходило очередное совещание русского и французского генеральных штабов. Во время него ген. Жилинский подтвердил «волю императорского правительства точно выполнить обязательства, налагаемые на него конвенцией». Но в то же время Жилинский обрисовал неприглядное состояние русской армии: «русская армия сможет иметь полный комплект тяжелой полевой артиллерии только в 1913 г., пулеметов — в 1914 г., снаряжения нового типа для пехоты — в 1916 г. Кроме того в данное время не имеется обмундирования для большинства резервных полков»... «При таких условиях Россия не будет, повидимому, в состоянии, по крайней мере раньше чем через два года, вести войну с Германией с уверенностью в успехе. Конечно она сможет отражать удары, но навряд ли она будет в состоянии сама наносить решительные удары»... К этой характеристике, данной начальником генштаба, ничего не надо прибавлять! В свете такой характеристики платонически звучит первая статья протокола, устанавливающая важный принцип, что слова «оборонительная война» в тексте военной конвенции не означает, что война будет вестись оборонительно; обе стороны признают необходимость одновременного и энергичного наступления. Русская армия, как ясно видно из приведенной характеристики, к такому наступлению в 1911 году была совершенно неспособна¹.

В 1911 году, чтобы бросить неподготовленную русскую армию в опасную войну на западной границе, понадобилось бы самое энергичное давление со стороны англо-французского империализма, опиравшегося на огромный вес тех миллиардов, которые были даны взаимы царскому правительству и вложены в русскую промышленность. И при этих условиях содействие России не было бы полноценным. Поэтому окончательный расчет с германским империализмом оказалось необходимым отложить на несколько лет. Для этого надо было в первую очередь реформировать франко-русский союз и обновить потускневшую франко-русскую «дружбу».

VI

В заключение коротко остановимся на важнейших последствиях Агадирского конфликта в истории международных отношений времени довоенного империализма. От Агадира тянутся нити, непосредственно ведущие к возникновению первой империалистической войны. Хотя с заключением франко-германского договора 4 ноября 1911 г. и установлением французского протектората, Марокко перестало быть постоянным очагом военной опасности, но противоречия между странами Антанты, с одной стороны, и австро-германским блоком, с другой не только не были разрешены, а приобрели еще большую напряженность. Это служит лишним доказательством того, что вопрос о разделе Марокко был в большей мере поводом, чем причиной борьбы.

¹ «Протокол совещания начальников российского и французского генеральных штабов». См. М. О., т. XVIII, ч. 1, № 372., «D. fr.» серия III, т. II, № 90.

В Германии исход Агадирского конфликта был воспринят широкими кругами шовинистически настроенной буржуазии и юнкерства как несомненное поражение. При обсуждении в пленуме и комиссии рейхстага договор 4 ноября и поведение правительства были подвергнуты самой суровой критике со стороны национал-либералов и консерваторов, т. е. тех партий, которые представляли собой голос германского империализма. Поступок статс-секретаря по колониальным делам Линдеквиста, подавшего из протеста в отставку, встретил одобрение в большинстве органов печати¹. Отступление германского правительства от первоначальных требований заставило германскую буржуазию задуматься над этим вопросом, действительно ли военное превосходство сухопутных сил Германии так прочно обеспечено, как это было в годы, когда силы России были отвлечены на Дальнем Востоке, а военная кооперация Англии и Франции не была закреплена.

Требования нового усиления вооружений после Агадирского конфликта исходили от так называемого «общественного мнения» Германии, т. е. от буржуазной прессы и партий воинствующего империализма в рейхстаге. Правительство охотно шло им навстречу. Военным и морским ведомствами были уже давно заготовлены широкие планы нового усиления армии и морская «новелла», внесенные в 1912 г. на рассмотрение рейхстага. Агадирский конфликт дал толчок ускоренному росту вооружений во всех империалистических странах, причем наиболее быстрые темпы в количественном и, главное, в качественном росте вооружений сумела развить Германия, обогнавшая в этом отношении к 1914 г. страны Антанты. Этот фактор, как указывал В. И. Ленин, сыграл важную роль в возникновении империалистической войны.

Агадирский конфликт еще раз отчетливо показал Германии, что ее главным противником является Англия. Раздражение, вызванное речью Ллойд-Джорджа, оставило прочные следы. В ноябре 1911 г. Кидерлен-Вехтер говорил английскому послу сэру Гошену — «До сих пор во всем мире мы наталкиваемся на вас, это вы всюду ставите нам препятствия»². Но наряду с глубокой ненавистью против английского империализма, германская дипломатия пришла после 1911 г. к выводу, что необходимо приложить самые серьезные усилия, чтобы нейтрализовать Британию и этим развязать себе руки на континенте, — что ради получения от английского правительства формального обязательства соблюдать нейтралитет в случае континентальной войны можно пойти на известное снижение темпов постройки военного флота. Так родилась идея англо-германских переговоров, получивших наиболее полное выражение в миссии Холдена 1912 г., но продолжавшихся и после ее неудачи вплоть до самой империалистической войны. Как известно, состояние этих переговоров с Англией дало в июле 1914 г., Вильгельму обманчивую надежду на соблюдение с Англией нейтралитета.

¹ За этими проявлениями недовольства очень внимательно следил французский посол Ж. Камбон и в особенности военный агент полк. Пелле. См. их донесения в D. F. сер. III, т. I, № 354, там же приложение 1-ое и многие другие документы.

² D. F. серия III, т. I, № 331.

тета в войне, возникшей из-за балканского вопроса (известная депеша Сегени после свидания кайзера с Гойосом является неопровержимым доказательством этого).

В Англии воинственное поведение правительства во время Агадирского кризиса встретило одобрение со стороны либералов-империалистов и консерваторов и осуждение со стороны пацифистически настроенной части либералов и лейбористов. Обсуждение речи Эд. Грея от 27 ноября 1911 г. в парламенте ясно показало это. В таких памфлетах, как книга Мореля «Десять лет тайной дипломатии», вышедшая в свет непосредственно после Агадира, критиковалась деятельность кабинета, связавшего поведение Англии тайными статьями договора 1904 г., пожертвовавшего экономическими интересами Англии в Марокко и вдобавок своей «франкофильской» политикой едва не вовлекшего Англию в ненужную ей (по их мнению) войну. В результате проявления таких настроений английский кабинет еще больше после 1911 г. стремится замаскировать действительные цели своей политики, прикрыть личиной пацифизма систематическую подготовку к войне со своим основным противником — Германией. Переговоры Холдена, облеченные в эффектную форму «попытки к миру после доброй ссоры» (на эту тему Ллойд-Джордж в день отъезда Холдена в Берлин произносит очередную речь), преследуют двоякую цель: 1) открывают возможность произвести глубокую разведку в неприятельском лагере; 2) дают повод в случае неудачи переговоров (в которой Эд. Грей, Никольсон и другие английские дипломаты не сомневались) взвалить на Германию ответственность за усиленный рост вооружений¹.

Продолжая переговоры по колониальным вопросам с Германией и после отказа дать обязательство сохранения нейтралитета, Англия остается действительным центром антигерманской коалиции. В то же время, не связывая себя формальными политическими обязательствами с партнерами по Антанте (известный обмен писем между Греем и Камбоном 1912 г. давал Франции только эвентуальное обещание английской военной помощи), английская дипломатия стремится сохранить свободу действий, чтобы лишь в удобный для английского империализма момент и при наличии удобного, способного воздействовать на общественное мнение, предлога вступить в войну.

Во Франции Агадирский кризис привел к особенно глубоким последствиям. Падение кабинета Кайо после расследования сенатской комиссии в январе 1912 г. и замена его кабинетом «национального единения» Пуанкаре не было просто очередным правительственным кризисом, столь обычным в III Республике. Это была очевидная победа того направления французской политики, которое проявилось уже в самом ходе Агадирского конфликта и которое состояло в непримиримой позиции по отношению к старому противнику — Германии. Первый том мемуаров Пуанкаре «На службе Франции» («Le lendemain d'Agadir»).

¹ В том, что английская дипломатия не сомневалась в провале переговоров, свидетельствуют многочисленные заявления об этом Никольсона П. Камбону, приводимые во французских документах (серия III, т. II). Истинную цель переговоров откровенно высказал английский морской атташе в Берлине русскому коллеге. См. М. О., XIX № 462.

при всем искусстве автора набрасывать флер миролюбия на свои действия, совершенно отчетливо показывает основную линию его внешней политики. Она заключалась, во-первых, в том, чтобы укрепить связи с Англией, рассеяв недоразумения, возникшие между Кайо и английским кабинетом, постараться связать Англию письменной гарантией того, что согласованные между военными и морскими авторитетами военные планы действительно будут в случае столкновения с Германией реализованы; она заключалась, во-вторых (и это было самое главное) в том, чтобы укрепить франко-русский союз, заинтересовать русское правительство в результатах войны с австро-германским блоком, поощрив политику русского империализма на Балканах, и ускорить военную подготовку России путем новых займов, усилив тем самым финансовую зависимость царизма от англо-французского империализма. Вся французская и русская документация, начиная с января 1912 г., служит доказательством того, что именно в этом заключалась крупная роль Пуанкаре в его служении французскому империализму; об этом говорят и единодушные, известные всем, отзывы Извольского и Сазонова о личности и деятельности нового премьера и отзывы французских послов (в особенности «великой тройки» Поля и Жюля Камбона и Баррера) и смена дипломатов, придерживавшихся менее агрессивных планов. (Крозье в Вене, Жорж Луи в Петербурге, смененный уже после избрания Пуанкаре президентом, но при его участии).

Мы не можем более подробно аргументировать это положение, поскольку оно выходит за рамки темы. Подчеркнем только два положения. 1) Политика Пуанкаре не была, конечно, его личной политикой, и не чувства «старого лотарингца», свидетеля немецких насилий 1870-71 гг., лежат в ее основе. Материальной основой нового направления во французской политике являлось то ускорение темпов развития французской тяжелой промышленности, которое характеризует последнее пятилетие перед империалистической войной. Пуанкаре был, в первую очередь, выразителем интересов французского монополистического капитализма, стремившегося отвоевать у Германии ведущее место на континенте. Именно на этой экономической основе снова обостряется одно время затухший спор об Эльзас-Лотарингии.

Пуанкаре опирался в своей политике на поддержку широких кругов крупной французской буржуазии, сумевшей через различные способы идеологического воздействия сделать на некоторое время возглавляемую им политическую линию популярной в мелкобуржуазной массе. Разжечь ненависть к Германии воспоминаниями о 1870-71 гг., о 1905 г., о недавно пережитом кризисе было не так уж трудно для опытных мастеров, какими были французские парламентские деятели и в особенности пресса.

Свидетельства иностранцев (Извольский, Сан-Джулиано и др.) о том, что во Франции наступила совершенно новая эпоха «национального подъема», о том, что воскрес «бранный дух галлов» и т. д., вполне согласуются с французскими документами и обширной мемуарной литературой, описывающей время от 1911 до 1914 гг.

2) Правительство Пуанкаре внесло некоторые новые моменты в деятельность французского финансового «ростовщического», как его характеризует В. И. Ленин, капитала. Французское правительство всегда стремилось регулировать до известной степени деятельность парижской биржи, согласуя ее с политическими целями Франции. После Агадир это подчинение узко экономических интересов французских банкиров общим политическим задачам французского империализма выступает особенно отчетливо. Не только похоронена идея Кайо об обращении германских ценных бумаг на французской фондовой бирже, но резкий отпор получает и идея, пропагандируемая Крозье, послом в Австро-Венгрии, — предоставив заем Австро-Венгрии сблизить ее с Францией. Эта мысль была отвергнута еще де Сельвом, поскольку, как он мотивировал отказ, нет гарантий в том, что заем не будет обращен на вооружения, направленные против Франции или ее союзницы — России.

Пуанкаре стремится сгладить недоразумения, возникшие на экономической почве с Россией (вопрос о деятельности четверного консорциума в Северном Китае и об участии в нем России и Японии, вопрос о железных дорогах в Малой Азии). При нем правительство стимулирует вложения французского капитала и поток французских займов в Балканские страны и в Россию. «Сбережения трудолюбивой Франции» становятся в еще большей мере, чем раньше, орудием усиления политического влияния в России и в тех странах, из которых эти годы русская дипломатия формирует балканский союз. Так закрепляется после 1911 г. то положение, которое в отточенной формулировке резюмировали составители «Краткого курса истории ВКП(б)».

«Россия не случайно выступила в империалистической войне на стороне Антанты — Франции и Англии. Необходимо иметь в виду, что перед 1914 годом важнейшие отрасли промышленности России находились в руках иностранного капитала, главным образом французского, английского и бельгийского, то-есть стран Антанты... Значительная часть прибылей русской промышленности шла в заграничные, по преимуществу — в англо-французские, банки. Все эти обстоятельства плюс миллиардные займы, заключенные царем во Франции и Англии, приковали царизм к англо-французскому империализму, превратили Россию в данницу этих стран, в их полуколонию». (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 156).

Наконец отметим и то, что со времени Агадирского кризиса очаг военной опасности переносится с Запада на Восток, из Марокко — на Балканы. Итало-турецкая война возникает как непосредственное следствие раздела Марокко, так как Италия стремится реализовать свою часть добычи (Триполи и Киренаику), обусловленную итало-французскими договорами 1900 и 1902 гг. Итало-турецкая война стимулирует формирование балканского блока под эгидой России и развязывание балканских войн. Балканский полуостров становится ареной, на которой за спиной мелких государств, преследующих свои национальные цели, сталкиваются империалистические интересы. Империалистическая война, если бы она возникла по западному варианту из-за Марокко, только очень отдаленно, только в таком широком плане, как ее обрисовал в приведенном нами разговоре с русским послом Эд. Грей, могла заинтересовать царскую Россию своими результатами; война же по восточ-

ному варианту, из-за спора, разыгравшегося на Балканах, выдвигала русский империализм на передний план; она обеспечивала Англии и Франции, стоявшим за его спиной и подталкивавшим его, — самое активное участие, участие не за страх, а за совесть царского правительства в войне с Германией и Австрией.

Эти обстоятельства, определявшие степень участия в войне России (наряду с другими не менее важными, как состояние военной готовности и другие) сыграли важную роль в том, что империалистическая война вспыхнула не в 1911 г., а в 1914 г. не по поводу раздела Марокко, а по поводу австро-сербского конфликта.
